

СВЕТЛАНА ДРОЗДОВА

DATA
IN 90T
LINK 100A
WPC 1000
LIFE 1000
NO 1000
END
MAX 1000

ИЗМЕНЕНИЯ
ТОЧКА

ТОМ 1

Светлана Дроздова

Нулевая точка. Том 1

«Автор»

2026

Дроздова С. В.

Нулевая точка. Том 1 / С. В. Дроздова — «Автор», 2026

Он очнулся на ледяном бетоне в абсолютной тьме, не помня своего имени. Единственное, что осталось с ним — пульсирующая боль в затылке и странный зелёный текст, висящий прямо в воздухе. «Уровень: 0. Ранг: Спёкшийся». Так начинается путь Алекса в Воронке — колоссальном многоуровневом бункере, который живёт по законам жестокой компьютерной игры. Здесь нет квестовых персонажей и лёгких путей. Есть только интерфейс, отслеживающий каждый удар сердца, и правила, написанные кровью. Сила, Ловкость, Интеллект — это не просто цифры, это цена выживания. Каждая съеденная крошка сухаря восстанавливает выносливость, каждая царапина отнимает здоровье, а смерть здесь — это окончательный конец без права на загрузку. Преодолевая амнезию и панику, Алекс учится убивать. Его первым врагом становится стая мутировавших крыс, а первым оружием — ржавый кусок арматуры. Но Воронка не прощает ошибок одиночек. Вскоре к нему присоединяются Шрам — израненный ветеран с мёртвым глазом и жаждой мести.

© Дроздова С. В., 2026

© Автор, 2026

Светлана Дроздова

Нулевая точка. Том 1

ГЛАВА 1. АКТИВАЦИЯ

Часть первая. Падение

1

Он не помнил момента, когда перестал падать.

Это странное ощущение — отсутствие границы между движением и остановкой. Словно кто-то вырезал кусок времени ножницами. Только что была темнота, свист воздуха, отчаянное желание за что-то ухватиться — и вдруг тишина. Абсолютная. Гулкая. Такая, которая бывает только глубоко под землёй или в герметичном бункере, отрезанном от всего живого.

Алекс лежал на спине. Он понял это не сразу — тело не слушалось, как будто затекло вечность. Глаза закрыты. Или открыты? Разницы не было. Тьма вокруг стояла такая плотная, что веки перестали быть преградой, а мышцы забыли, как правильно посылать сигналы к конечностям.

Первое, что вернулось — слух.

Где-то далеко-далеко падали капли воды. Металлический звук: кап... кап... кап... с интервалом в несколько секунд. Алекс сосредоточился на этом звуке, как на якорю, как на единственной нити, связывающей его с реальностью. Капли значили, что есть пол, есть потолок, есть расстояние до них. Значили, что пространство вокруг не бесконечно. Значили, что он не просто плывёт в пустоте, а лежит на чём-то твёрдом, под чем-то высоким, и между этим «чем-то» есть зазоры, через которые просачивается вода.

Кап. Кап. Кап.

Он начал считать интервалы. Семь секунд. Шесть. Восемь. Неровно. Значит, вода не течёт струйкой, а пробивается через трещины в перекрытиях, собирается в капли и срывается вниз, когда набирает критическую массу. Это говорило о многом: потолок не герметичен, над ним есть ещё пространство, а над тем пространством — возможно, ещё. Многослойная структура.

Вторым вернулось осязание.

Под спиной было холодно. Очень холодно. Гладкая поверхность — металл или очень старый, отполированный временем бетон. Алекс пошевелил пальцами правой руки. Пальцы слушались, хотя в них пульсировала тупая боль — как будто он сжимал что-то тяжёлое и не отпускал очень долго. Левую руку он не чувствовал вовсе, и это напугало его сильнее, чем темнота.

— Чёрт, — выдохнул он.

Голос прозвучал глухо, словно он говорил в подушку. Эхо не родилось — пространство вокруг было слишком большим или слишком заставленным, чтобы отражать звук. Или слишком поглощающим. Некоторые материалы — технические ткани, специальные покрытия — умеют убивать эхо. Алекс вспомнил это из армейских учебников, которые читал много лет назад, когда думал о контрактной службе. Не пошёл. А теперь лежит в месте, где акустика ведёт себя неестественно.

Алекс попытался открыть глаза. Сначала показалось, что ничего не изменилось. Та же тьма. Но спустя несколько секунд он понял: разница есть. Лёгкое свечение, почти невидимое, пульсировало где-то на периферии зрения. Или не снаружи, а внутри головы. Это различие было важным: если свечение снаружи, значит, есть источник — лампочка, экран, люминесцентный грибок. Если внутри — значит, он видит то, чего нет, и это уже повод беспокоиться о своём рассудке.

Он поднял руку перед собой. Не увидел её. Но почувствовал движение воздуха — лёгкий, едва уловимый ветерок, который шевельнул волосы на затылке. Воздух двигался. Значит, вентиляция. Значит, система жизнеобеспечения. Значит, это место не герметично запечатанный склеп — сюда поступает свежий воздух откуда-то сверху или снизу.

— Где я?

Вопрос повис в пустоте. Никто не ответил.

2

Он лежал и перебирал в памяти последние минуты перед падением. Но память отказывалась сотрудничать. Обрывки: бетонная лестница, пролёт, перила, которые хрустнули под рукой. Свет — яркий, неестественный, не похожий ни на солнечный, ни на электрический. Потом — пустота. Ни лица, ни голоса, ни имени того, кто был рядом. Может, никто и не был.

Алекс попробовал вспомнить своё имя. Оно осталось. Алекс. Алекс... дальше фамилия не приходила. Это было странно — он помнил, что фамилия есть, что она начинается на твёрдый звук, возможно, на «К» или «Г», но извлечь её из памяти не получалось, как будто кто-то накрыл этот участок мозга плотной тканью.

— Амнезия, — сказал он в темноту. — От удара. Или от стресса.

Он не паниковал. Паника была роскошью, которую он не мог себе позволить. Вместо этого он сосредоточился на теле — на каждом его участке, на каждом сигнале, который оно посылало.

Голова: тяжелая, но без острой боли. Лёгкое головокружение, когда он пытался сфокусировать взгляд в темноте. Шея: подвижна, хрустит при повороте. Грудная клетка: дышит свободно, рёбра целы. Позвоночник: ноет в пояснице, но это скорее от долгого лежания на твёрдой поверхности, чем от травмы.

Живот: пуст. Он не помнил, когда ел в последний раз. Руки: целы, пальцы двигаются. Ноги: ботинки на месте, шнурки завязаны. Алекс пошевелил стопами — они отозвались тупой болью, как будто он очень долго стоял или бежал.

— Я не разбился, — сказал он. — Это уже хорошо.

Осторожно, опираясь на локти, он приподнялся. Перед глазами поплыли тёмные пятна — давление упало, мозг получил слишком мало кислорода за время неподвижности. Алекс замер, давая крови разогнаться.

Сердце стучало ровно, но часто. Где-то за девяносто ударов в минуту. Он положил пальцы на запястье — пульс прощупывался хорошо, без перебоев.

— Физически я в порядке, — подвёл он итог. — Не считая амнезии и того, что я понятия не имею, где нахожусь.

Он сел.

Резкая боль прострелила поясницу, и Алекс замер, давая стон. Перед глазами поплыли круги — на этот раз явно биологические, а не оптические. Он подождал, пока сердце перестанет колотиться где-то в горле, и медленно выдохнул. Сделал глубокий вдох. Ещё один. Ритмично, спокойно.

— Ладно. Ладно. Я жив. Это главное.

Он не знал, правда ли это. В такой темноте можно быть мёртвым и не заметить разницы. Можно лежать в собственной могиле — или в морге, на холодном столе, и принимать послесмертные галлюцинации за реальность. Но он отбросил эту мысль. Если он мёртв, то у него нет выбора. Если жив — выбор есть. Нужно действовать, исходя из лучшего сценария.

Алекс провёл рукой по поверхности, на которой сидел. Бетон. Точно бетон. Шершавый, с мелкими выбоинами, с песчинками, вмёрзшими в верхний слой. Где-то рядом — острый край, скол. Он поцарапал палец, отдёрнул руку, потом снова осторожно провёл — уже вдоль края, изучая форму.

Плита. Большая бетонная плита. Часть перекрытия? Обломок стены? Алекс провёл пальцем по поверхности — нашёл ещё один скол, потом трещину, идущую от края к центру. Плита была монолитной, но повреждённой.

Он встал на четвереньки, потом, помогая себе руками, выпрямился. Колени дрожали, но держали. Пол под ногами был неровным — то ли трещины, то ли куски арматуры, то ли щебень, рассыпанный кем-то намеренно. Алекс вытянул руки вперёд и сделал шаг. Второй. Третий.

Ничего. Пустота. Только холодный воздух, который стал вдруг плотнее, словно он вошёл в зону, где влажность была выше.

Он расширил радиус поиска, двигаясь мелкими шагами, как слепой. Левая рука наткнулась на что-то вертикальное. Стена. Холодная, покрытая слизью или конденсатом. Алекс провёл ладонью вверх — стена уходила высоко, выше его роста, выше вытянутой руки. Метр, два, три. Он не достал до края.

В другую сторону он нащупал угол. Две стены сходились под прямым углом — или почти прямым. Угол был рваным, разрушенным — бетон крошился под пальцами, осыпаясь мелкими камешками на пол.

Алекс медленно повернулся и пошёл вдоль стены, держась за неё как за страховку, как за единственную нить, ведущую через лабиринт. Каждый шаг он проверял ногой — не провалится ли. Каждый вздох контролировал — не слишком ли громко.

Тишина вокруг была не естественной. Она была насторожённой, как у зверя, который затаился, но не ушёл.

3

Он не знал, сколько прошло времени. Минуты? Часы? В полной темноте, без возможности видеть собственные руки, без часов, без солнца время превращалось в четвёртое измерение, недоступное восприятию. Алекс попытался считать шаги — сбился на сорока семи, когда стена внезапно оборвалась, открывая проход.

Он остановился, втянул носом воздух. Пахло сыростью, старым железом, чем-то кислотным — возможно, продуктами разложения батарей или электролита. Пахло так, как пахнут заброшенные бункеры через десять лет после консервации.

Проход был узким. Алекс вытянул руки в стороны — пальцы касались стен с обеих сторон. Ширина не больше метра. Потолок — он подпрыгнул и коснулся его ладонями — на высоте вытянутой руки, примерно два метра десять. Тесный коридор, ведущий неизвестно куда.

Он сделал шаг. Ещё один. Воздух стал гуще, тяжелее. Влажность подскочила — Алекс почувствовал, как одежда начала липнуть к телу. Капли конденсата собирались на стенах, стекали вниз тонкими струйками.

В конце коридора — он чувствовал это — было расширение. Пространство меняло акустику: шаги перестали отражаться от стен, звук уходил вглубь и не возвращался.

Алекс замер на границе.

Часть вторая. Искра

4

И тут это случилось.

Перед глазами вспыхнул текст.

Не как проекция на сетчатку, не как надпись на стене, не как галлюцинация, рождённая усталым мозгом. Он просто возник прямо в поле зрения, перекрывая темноту, как будто кто-то включил монитор внутри черепа, прямо между таламусом и корой.

Зелёные символы. Ровные, моноширинные, без засечек. Они не мерцали, но казались живыми — пульсировали с каждым ударом сердца, слегка меняли яркость в такт дыханию. Шрифт был незнакомым — не Arial, не Times, не какой-либо из стандартных. Узкий, угловатый, технологичный.

...

[СИСТЕМА АКТИВИРОВАНА]
[Добро пожаловать в Нулевую Точку]

...

Алекс замер так резко, что едва не потерял равновесие. Он выставил руку вперёд, нащупал стену прохода и прижался к ней спиной. Сердце ухнуло вниз, потом подскочило к горлу. Ладони мгновенно вспотели.

— Что за...

Текст не исчезал. Более того — он разворачивался, разрастался вниз, как падающий лист, как текст в терминале, который кто-то печатает в реальном времени. Строка за строкой.

...

[Уровень: 0 | Ранг: Спёкшийся]
[ОЗ: 40/40 | ОВ: 20/20]
[СИЛ: 2 | ЛВК: 3 | ВНС: 2 | ИНТ: 5 | ВСП: 3]

...

Алекс моргнул. Текст остался. Моргнул ещё раз — без изменений. Он зажмурился, с силой, до искр под веками. Подождал пять секунд. Открыл глаза.

Текст ждал его. Терпеливо. Без насмешки.

— Галлюцинация, — сказал он вслух. Голос дрогнул. — Травма головы. Отёк. Внутричерепное давление. Галлюцинация. Всё правильно. Так и бывает.

Он попытался отмахнуться от надписи рукой. Ладонь прошла сквозь пустоту. Текст не сдвинулся. Тогда он попробовал накрыть надпись ладонью — так, как закрывают один глаз, чтобы проверить бинокулярное зрение. Текст оставался видимым, поверх ладони. Словно он был не перед глазами, а в них.

«Спёкшийся».

Слово показалось странным. Не «Новичок», не «Выживший», не «Кандидат», не «Стажёр». Спёкшийся. Такое говорят о керамике, о перекалённом металле, о человеке, который дошёл до предела и сломался. О спекании — процессе, при котором частицы сплавляются в монолит под действием высокой температуры. Необратимом процессе.

Алекс потряс головой. Это ничего не изменило.

Он вдруг понял, что видит не только текст. По краям зрения появились тонкие линии — рамка, обрамляющая поле обзора. Сверху — полоска красного цвета, длиной во всю ширину

зрения, подписанная тремя буквами: «ОЗ». Слева — шкала поменьше, золотистая, вертикальная, с подписью «ОВ».

Очки здоровья. Очки... выносливости? Или чего-то ещё?

Шкалы двигались. Не сильно — ОЗ слегка пульсировало в такт пульсу, ОВ медленно ползло вверх, потом вниз, как будто система калибровалась.

Алекс опустил взгляд на свои руки. Теперь, когда он смотрел на них, рядом с каждой кистью повисала едва заметная полупрозрачная метка. [Конечность. Состояние: норма]. Над грудью, когда он опустил подбородок, появилась [Торс. Состояние: ушиб]. Над головой — [Голова. Состояние: лёгкое сотрясение]. Сотрясение. Значит, его предположение было верным — он ударился головой при падении.

— Это не галлюцинация, — прошептал Алекс. — Галлюцинации не бывают такими системными.

Он поднял правую руку, повертел её перед лицом. Метка [Конечность] двигалась вместе с рукой, всегда оставаясь ровно над запястьем. Алекс сжал пальцы в кулак — метка не изменилась. Разжал — ничего. Пошевелил каждым пальцем по очереди — система не реагировала.

Тогда он мысленно произнёс: «Заккрыть».

Интерфейс не исчез. Но свернулся. Всё зелёное свечение съёжилось в маленькую иконку в правом верхнем углу зрения — три горизонтальные линии, как стилизованный список меню. Основная рамка и шкалы остались, но стали тоньше, прозрачнее, почти не мешая обзору.

Алекс выдохнул. Воздух вышел со свистом — он не заметил, как задержал дыхание.

— Значит, я могу этим управлять, — сказал он. — Хотя бы частично.

Он мысленно потянулся к иконке. Представил, как нажимает на неё пальцем, хотя палец не двигался. Интерфейс развернулся обратно, послушный команде.

— Хорошо, — сказал Алекс пустоте. — Хорошо. Допустим, это реальность. Тогда что дальше?

5

Он прислонился к стене прохода и заставил себя дышать ровно. Техника квадратного дыхания: вдох на четыре счёта, задержка на четыре, выдох на четыре, пауза на четыре. Армейский навык, который он не помнил, где приобрёл, но тело помнило само.

Паника — плохой помощник. Паника затуманивает мысли, сужает периферийное зрение (даже если его и так нет), заставляет сердце биться быстрее, а мозг — искать немедленные решения вместо правильных. Если то, что он видит — реальность, какой бы абсурдной она ни казалась, то с этим нужно работать. Принимать как данность. Изучать. Использовать.

Он заново прочитал все строки. Медленно. Вслух. С интонацией учителя, диктующего классу.

— Уровень: ноль. Ранг: Спёкшийся.

Непонятно. Уровень чего? Ранга чего? Звучит как компьютерная игра. Ролевая система. Прогрессия. Но Алекс не играл в игры много лет — с тех пор, как закончил университет и ушёл в работу. И никогда — с интерфейсом, встроенным прямо в зрение. С игрой, которая не требует монитора.

— Очки здоровья: сорок из сорока. Очки выносливости: двадцать из двадцати.

Здесь понятнее. Он цел, не ранен смертельно. Сотрясение — это страшно, но не смертельно. Полоска красного цвета сверху — это запас прочности организма. Если она упадёт до нуля — он умрёт. Алекс не сомневался в этом. Система выглядела слишком серьёзной для шуток.

Золотистая шкала — ресурс для действий. Для бега, ударов, может быть, для чего-то ещё. Интересно, что она стояла на 20 из 20 — полная. Значит, он не тратил выносливость во сне или в момент падения.

Характеристики.

Сила: 2. Ловкость: 3. Выносливость: 2. Интеллект: 5. Восприятие: 3.

Алекс усмехнулся в темноте. Интеллект выше всего. Звучит как издёвка — если он такой умный, почему сидит в полной темноте на бетонной плите и разговаривает сам с собой? Если он такой умный, почему не может вспомнить, как сюда попал?

Но если подумать... Сила 2. Он никогда не был качком. В школе — средний, в университете — тем более. Ловкость 3 — средняя, наверное. Никогда не отличался реакцией, не занимался спортом, где нужна быстрота. Выносливость 2 — да, он всегда быстро выдыхался, задыхался при беге, не мог долго нести тяжёлые сумки.

Интеллект 5 — инженерное образование, аналитический склад ума, привычка раскладывать проблемы на составляющие. Это правда. Восприятие 3 — вечно витает в облаках, не замечает деталей, теряет ключи, пропускает повороты.

Цифры не вали. Это было самое пугающее.

Он попробовал мысленно «нажать» на характеристику Сила. Интерфейс отреагировал мгновенно — всплыла полупрозрачная подсказка, развернулась как сухой лист:

...

[Сила: влияет на урон в ближнем бою, переносимый вес, физическую мощь]

...

Алекс замер. Это уже не просто диагностика. Это — правила. Набор правил. Как в игре. Как в системе, кем-то созданной. Кем-то, кто решил, что мир должен описываться цифрами и формулами.

Он быстро проверил остальные характеристики. Каждая отвечала подсказкой.

...

[Ловкость: скорость атаки, уклонение, скрытность, точность метания]

[Выносливость: здоровье, сопротивление боли и ядам, скорость восстановления]

[Интеллект: тактика, ловушки, управление кланом, анализ информации]

[Восприятие: обнаружение врагов, меткость, дальность обнаружения]

...

«Управление кланом». Слово выпадало из контекста. Какой клан? Какие враги? Какие ловушки? Он один в темноте, без оружия, без союзников. О каком клане может идти речь?

Алекс потряс головой. Слишком много вопросов. Нужно идти от простого. От того, что понятно здесь и сейчас.

Он проверил производные параметры. Интерфейс услужливо развернул новую панель — она выросла из строки Выносливости, как ветка из ствола.

...

[Очки здоровья: Выносливость $\times$ 20]

[Очки выносливости: Выносливость $\times$ 10]

[Урон: базовый + Сила $\times$ 2]

[Шанс крита: Ловкость $\times$ 1.5%]

[Дальность обнаружения: Восприятие $\times$ 3 метра]

...

Вот оно. Его ВНС равна 2. $2 \times 20 = 40$ ОЗ. $2 \times 10 = 20$ ОВ. Всё сходилось.

Алекс задумался. Если он повысит Выносливость до 3, здоровье станет 60. До 4 — 80. До 10 — 200. Простая арифметика. Но насколько легко повышать характеристики? И можно ли их повышать вообще?

Дальше интерфейс выдал ещё больше формул, но Алекс не стал вникать — у него не было оружия, чтобы проверять урон, и не было врагов, чтобы проверять шанс крита. Дальность обнаружения — 3 метра на каждую единицу Восприятия. У него ВСП = 3, значит, он видит врага с 9 метров. Если враг есть. Если врага можно увидеть в этой темноте.

Он свернул интерфейс до иконки и постоял несколько секунд в полной тишине, переваривая информацию.

6

Мысли текли медленно, как смола. Алекс чувствовал, что его когнитивные способности работают не на полную мощность — сотрясение давало о себе знать. Но он мог думать. Мог анализировать. Мог строить гипотезы.

Первая гипотеза: он попал в аварию. Взорвался что-то — генератор, трансформатор, химическая установка. Он получил черепно-мозговую травму и теперь лежит в больнице, подключённый к аппаратам, а интерфейс — это нейроинтерфейс, который выводит медицинские показатели на проекционный дисплей. Но тогда почему «Нулевая Точка»? Почему «Спёкшийся»? Медицинские системы не называют пациентов такими словами.

Вторая гипотеза: эксперимент. Военный, корпоративный, неизвестный. Ему имплантировали чип в мозг, и теперь чип активировался. Но зачем? И почему он не помнит самого эксперимента? И почему он лежит на холодном бетоне в полной темноте, а не в стерильной лаборатории?

Третья гипотеза: он мёртв. И это — загробный мир. Чистилище. Преддверие ада. Система — способ оценки грехов. Уровень — степень падения. Ранг — приговор. Но тогда почему система так технологична? Загробный мир не должен пахнуть ржавым железом и сыростью. Он не должен иметь вентиляционных решёток и криокапсул.

Четвёртая гипотеза: это реальность. Такая, какая есть. И правила, которые он видит — это не глюк, не галлюцинация, не последствие травмы, а объективный закон этого места. Как гравитация. Как термодинамика. Просто — закон. А интерфейс — инструмент для взаимодействия с ним.

Алекс остановился на четвёртой версии. Не потому, что она самая правдоподобная — она была самой абсурдной из всех. А потому, что она работала. Если исходить из того, что интерфейс — реальность, то логика подсказывает: у него есть характеристики. Характеристики можно повышать. Повышать — значит, становиться сильнее, выносливее, умнее. Становиться сильнее — значит, выживать.

— Уровень, — сказал он вслух. — Уровень повышается. Чем?

Интерфейс молчал. Но Алекс уже понял логику: система не даёт ответов на незаданные вопросы. Нужно спрашивать точнее. Чётче. Как в поисковой системе.

— Как повысить уровень?

Пауза. Интерфейс подумал — или показалось, что подумал. Затем выдал:

...

[Опыт. Получение опыта повышает уровень]

[Источники опыта: не определены]

...

Не определены? Или скрыты? Или доступны только после определённого ранга?

Алекс поднял с пола первый попавшийся камень — маленький, острый. Сжал в кулаке. Вспомнил формулу урона: базовый + СИЛ $\times$ 2. Его СИЛ = 2, значит, бонусный урон — 4. Базовый урон камня, наверное, 1 или 2. Итого — 5–6 единиц урона.

— Система предполагает бой, — сказал он. — Бой даёт опыт. Значит, придётся сражаться.

Но с кем? С тем, что шуршит в темноте? С крысами? С чем-то большим?

— Нет, — сказал он себе. — Пока не надо. Сначала — разведка. Сначала — понять, где я и что здесь вообще происходит.

Он включил фонарик на брелке. Маленький LED-диод выхватил из темноты клочок пространства — пол в трещинах, стену из серого бетона, собственную тень, которая прыгнула в сторону, огромная и искажённая.

Свет. Маленький, слабый, но работающий.

Алекс двинулся вперёд.

Часть третья. Точка опоры

7

Он шёл медленно, луч фонарика скользил по стенам, потолку, полу. Техника: сначала осветить то, куда собираешься поставить ногу — нет ли ямы, трещины, препятствия. Затем — стены по бокам, не прячется ли кто в углах. Затем — потолок, не рухнет ли что на голову.

Коридор — или проход — расширился. Метр, полтора, два. Стены стали дальше друг от друга, потолок поднялся. Алекс мог идти, не касаясь стен руками.

Он насчитал ещё сорок шагов, когда проход вывел его в большое пространство. Алекс остановился на границе, втянул носом воздух. Запах изменился — меньше сырости, больше пыли, старого металла, окалины.

Он поднял фонарик выше.

Зал. Большой зал. Потолок терялся в темноте — луч не доставал до него. Колонны — квадратные, бетонные, с облупившейся краской — уходили вверх и исчезали. Пол был завален обломками: куски бетона, арматура, битое стекло, ржавые листы металла.

Интерфейс ожил:

...

[Зона: центральный зал — восточный сектор]

[Температура: 14°C]

[Влажность: 68%]

[Электромагнитный фон: в пределах нормы]

...

Восточный сектор. Значит, есть и другие сектора. Значит, это место больше, чем один зал и один коридор.

Алекс осторожно шагнул в зал. Под ногой хрустнуло стекло — мелкое, колотое, рассыпавшееся в пыль. Он обошёл лужу — вода стояла в выбоине, тёмная, непрозрачная. Переступил через трубу, торчащую из пола — ржавую, с острыми краями.

Луч фонарика выхватил из темноты странный объект. Металлический шкаф? Нет, больше. Прямоугольный, с закруглёнными углами, размером с гроб. Поверхность — матовый металл, покрытый слоем пыли и конденсата.

Алекс подошёл ближе.

На торцевой панели — нечитаемые надписи, стёртые временем, и одна — чёткая, выбитая лазером, как будто вчера:

CRYO-07

— Кριοкапсула, — выдохнул Алекс.

Он знал, как выглядят кριοкапсулы. Не из личного опыта — из фильмов, книг, документальных репортажей о крионике. Герметичный контейнер для длительного хранения биологического материала. Или человека.

Он провёл рукой по холодному металлу. Крышка была закрыта — глухо, без зазоров. Замёрзшего стекла или иллюминатора не было — только глухой корпус, как у сейфа. Индикаторов, лампочек, экранов — тоже.

Интерфейс выдал:

[Объект: кριοгенная капсула]

[Модель: CRYO-07]

[Статус: неактивна, герметична]

[Содержимое: не определено]

Не определено. Значит, система не может заглянуть внутрь. Или может, но не хочет. Или внутри — не человек, а что-то, что система не может классифицировать.

Алекс прижался ухом к крышке. Тишина. Никакого гула, никакого дыхания, никакой вибрации. Капсула была мёртвой — или спала глубоким сном.

Он не стал открывать. Даже если бы знал как. Кριοкапсула в подземелье — это либо спасение, либо ловушка. Либо потерянный реликт прошлого, либо приманка для любопытных. Слишком рискованно.

Алекс сделал шаг назад, чтобы уйти, но в этот момент интерфейс моргнул ярче — резко, как лампочка перед перегоранием.

[ВНИМАНИЕ: зафиксировано аномальное излучение]

[Источник: криокапсула (CRYO-07)]

[Тип излучения: не идентифицирован]

[Рекомендация: не вскрывать без защиты, не находиться рядом длительное время]

Аномальное излучение. Алекс не был учёным-ядерщиком, но слово «излучение» заставило его отступить на два шага. Потом ещё на три. Потом — развернуться и уйти подальше, за колонну.

— Спасибо за предупреждение, — сказал он.

Интерфейс не ответил.

8

Он обошёл криокапсулу по широкой дуге — метров пятнадцать, не меньше — и двинулся дальше. Зал не кончился. Стены раздвигались, потолок то опускался, то снова уходил вверх, создавая ощущение, что он идёт по дну пересохшего моря, а гигантские волны застыли в бетоне над головой.

Алекс заметил, что пол стал ровнее. Меньше щёбня, меньше трещин, меньше мусора. Кто-то убирал этот участок. Или не кто-то, а что-то. Дрон? Уборочная машина? Рука человека?

Но никаких следов техники не было. Ни колёс, ни гусениц, ни масляных пятен, ни царапин от щёток. Просто — чистота. Стерильная, неестественная, пугающая.

Алекс остановился. Чистота в руинах — это неестественно. В любом заброшенном месте есть мусор, пыль, паутина. Если их нет — значит, пространство используют. Обслуживают. Очищают.

— Здесь кто-то есть, — прошептал он.

Интерфейс не подтвердил и не опроверг. Но в углу зрения снова замигала красная точка — та самая, что появлялась раньше. Он попытался мысленно «нажать» на неё — точка вернулась в строку:

[Датчик движения: пассивный режим]

[Обнаружено: нестабильные сигналы]

Нестабильные сигналы. Что это значит? Алекс не знал. Но слово «сигналы» во множественном числе означало, что источников больше одного.

Он выключил фонарик и замер. Темнота вернулась — густая, плотная, как чёрная вода. Он стоял и слушал.

Тишина. Но не та, что раньше — пустая, беззвучная. А насторожённая. Как будто пространство тоже слушало его. Как будто стены имели уши. Как будто пол имел нервные окончания и чувствовал каждый его шаг.

Алекс медленно, бесшумно сделал шаг назад. Потом ещё один. Он решил возвращаться в знакомую часть зала, к проходу, который вёл к бетонной плите. Новые секции — новые риски. Нужно осваивать территорию постепенно, квадрат за квадратом, как сапёр, который знает, что мины могут быть под каждым сантиметром.

Он почти дошёл до знакомой колонны, когда наступил во что-то мягкое.

9

Он замер.

Под ногой хрустнуло — не стекло, не камень, не сухая ветка. Что-то тонкое, хрупкое, органическое. Что-то, что не должно было лежать на полу.

Алекс медленно, очень медленно перенёс вес на другую ногу. Вынул фонарик, нашарил кнопку. Включил.

Луч света упал вниз, на то место, где только что стояла его нога.

Кости.

Тонкие, длинные, похожие на рёбра. Светло-серые, почти белые в свете LED-диода. Чистые — без плоти, без следов гниения, без запаха. Рядом — ещё одна. И ещё. И целый веер, разбросанный по полу в радиусе двух метров.

Интерфейс отобразил без команды:

...

[Кости]

[Происхождение: не определено]

[Возраст: не менее 3 лет]

[Примечание: множественные повреждения, характер которых не определён]

...

Три года. Не свежее. И не древнее. Кто-то умер здесь три года назад. Или был убит. Или был съеден.

Алекс опустился на корточки, не отрывая взгляда от костей. Осветил их под разными углами. На рёбрах — царапины. Глубокие, параллельные, словно по кости провели острым инструментом. Или зубом.

— Зубы, — прошептал Алекс. — Крупные зубы.

Не крыса. Не собака. Что-то крупнее. Что-то с мощными челюстями.

Он поднял фонарик, осветил пространство вокруг. Кости были разбросаны по всему участку пола — но не хаотично, как при падении или взрыве, а аккуратно, почти симметрично. Как будто их разложили. Или сюда стащили, чтобы съесть в укромном месте.

— Логово, — сказал он одними губами.

Кости — это остатки трапезы. И если остатки трёхлетней давности сохранились так хорошо, значит, хищник либо ушёл, либо спит, либо не хочет привлекать внимание.

Алекс быстро поднялся. Ноги дрожали — не от страха, от адреналина. Он развернулся и зашагал к проходу, стараясь не смотреть под ноги, но при этом не наступать на кости. Получалось плохо — хруст сопровождал каждый шаг.

Спину холодило. Не от температуры — от ощущения, что за ним наблюдают. Что чьи-то глаза — или сенсоры — следят за каждым его движением из темноты, из-за колонн, из вентиляционных решёток на стенах.

Интерфейс молчал. Но красная точка в углу зрения мигала чаще.

Алекс не стал выяснять, что это значит. Он просто шёл.

Часть четвёртая. Границы

10

Проход встретил его темнотой и запахом сырости. Алекс обрадовался этому запаху — он стал привычным, почти родным. Знакомое безопаснее незнакомого. Даже если знакомое — это бетон, плесень и стоячая вода.

Он прошёл по проходу до конца, до бетонной плиты, на которой очнулся. Остановился, прислушался. Тишина.

Ни шороха. Ни шагов. Ни капель — они тоже исчезли, словно кто-то перекрыл воду.

Алекс сел на край плиты, положил фонарик рядом, выключил. Экономия заряда. В темноте он остался один на один с интерфейсом.

Надпись всё так же висела в правом верхнем углу: Уровень 0. Спёкшийся.

Он поднял руку и коснулся щеки. Пальцы нащупали запёкшуюся кровь — царапина от виска до скулы, неглубокая, но длинная. Интерфейс тут же отобразил:

...

[Лицо, область левой скулы]

[Состояние: поверхностная рана, кровотечение остановлено]

[Время заживления: приблизительно 6 часов]

[ОЗ: без изменений]

...

Шесть часов. Значит, рану он получил около шести часов назад. Во время падения? Или позже?

Алекс провёл пальцами по черепу — нашёл шишку на затылке. Болезненную, твёрдую. Интерфейс отреагировал:

...

[Затылочная область]

[Состояние: гематома, лёгкое сотрясение мозга]

[Рекомендация: покой, ограничение физической активности]

...

Покой? Ограничение активности? Алекс усмехнулся. В его положении покой был непозволительной роскошью.

Он прислонился спиной к стене, вытянул ноги. Усталость навалилась внезапно — как мешок с песком, сброшенный на плечи. Глаза слипались, хотя он спал неизвестно сколько. Стресс, адреналин, сотрясение — всё вместе высасывало силы.

— Нужно поспать, — сказал он себе. — Без сна ошибки. Ошибки — смерть.

Он нашёл в рюкзаке — который всё ещё висел на плечах — флягу. Открутил крышку, понюхал. Вода. Чистая, без запаха. Сделал маленький глоток. Второй. Убрал флягу.

Интерфейс отметил:

...

[Приём воды: 50 мл]

[Гидратация: 78% от нормы]

...

У него был показатель гидратации. Он даже не знал, что за ним можно следить.

Алекс закрыл глаза. Сон пришёл быстро — как провал в темноту, не отличимую от той, что была вокруг.

11

Ему снилась Воронка.

Он никогда не был в Воронке. Во сне он знал это — чётко, как факт, как таблицу умножения: «Я никогда здесь не был. Но я здесь».

Воронка была бесконечной. Не яма, не кратер, не карстовый провал — а нечто иное. Провал, уходящий во все стороны сразу. Вниз, вверх, влево, вправо, вперёд и назад — везде была пустота, и только в центре этой пустоты — стены.

Стены из чёрного камня. Гладкие, как стекло, но без блеска. Матовые, поглощающие свет — хотя света не было. Стены просто были, и Алекс знал, что они тянутся бесконечно

вверх и бесконечно вниз, и что если прикоснуться к ним, они будут тёплыми. Тёплыми, как живая плоть.

Ветер снизу. Тёплый, пахнувший озоном и горелым пластиком. Запах, который он никогда не чувствовал наяву, но во сне узнал мгновенно.

Алекс стоял на крошечном выступе — размером с ладонь. Под ним — пустота. Над ним — пустота. Справа — стена. Слева — стена. Впереди — стена. Он был в колодце. В колодце без дна и без верха.

Где-то в этой пустоте звучал голос. Не человеческий. Металлический, с синтезированными обертонами, как у голосового помощника, который пытается звучать естественно, но не может.

«Нулевая Точка не прощает ошибок».

Алекс хотел спросить, что это значит, но не смог открыть рот. Челюсти будто свело судорогой.

«Ты — Спёкшийся. Ты уже был здесь. Ты уже пытался».

Перед глазами поплыли цифры. Уровень. Очки здоровья. Характеристики. Но другие — не его. Чужие. У кого-то Сила была 15, у кого-то Интеллект — 20. Уровни — 12, 18, 25.

«Они умерли. Ты — нет. Пока нет».

Голос замолк. Воронка начала схлопываться. Стены пошли трещинами, и сквозь них хлынул свет — белый, ослепительный, как вспышка сварки. Свет заполнил всё — небо, землю, пространство между. Алекс закричал, но не услышал своего крика.

12

Он проснулся от собственного всхлипа.

Темнота. Та же самая, абсолютная, первозданная. Никакого света. Никакой Воронки. Только холодный бетон под спиной и тяжелый воздух, который пах сыростью и ржавчиной.

Алекс лежал на боку, свернувшись калачиком. Фонарик выпал из руки — он нашарил его рядом, нажал на кнопку. Свет загорелся — тусклее, чем раньше, но живой.

Он сел, потёр лицо. Ладони были влажными — то ли от пота, то ли от слёз.

Интерфейс висел на месте. Никуда не делся.

...

[Время с момента активации: 8 часов 34 минуты]

...

Спал почти четыре часа. Сон был глубоким, но не восстановил силы. Голова гудела — сотрясение напоминало о себе тупой пульсирующей болью в затылке.

Алекс потянулся, хрустнув позвонками. Сделал несколько глубоких вдохов. Квадратное дыхание — четыре на четыре. Пульс выровнялся.

Мысли о сне нужно было отложить в сторону. Сон — это сон. Даже если он был вещим — что вряд ли. Даже если голос что-то значил — он не мог на это повлиять.

Он встал. Включил фонарик. Осмотрел себя.

Куртка — грязная, в пыли, но целая. Джинсы — порваны на колене, но держатся. Ботинки — шнурки завязаны, подошва целая.

Он проверил рюкзак. Фляга — на месте, вода ещё оставалась. Сухпайки — три плитки. Бинт, нож, зажигалка.

Зажигалка.

Алекс поднёс её к глазам. Простая, пластиковая, прозрачная — видно уровень газа. Почти полная. Он щёлкнул колёсиком — высек искру. Со второго раза загорелся маленький жёлтый огонёк.

Пламя осветило пространство вокруг — на метр, не больше. Тени заплясали по стенам, оживили бетон, заставили трещины казаться глубокими ранами.

Огонь — это хорошо. Огонь — это тепло, свет, защита. И возможность приготовить еду, если понадобится.

Алекс задул пламя, спрятал зажигалку в карман.

— Пора идти, — сказал он.

Часть пятая. Техническая зона

13

Он снова пошёл по проходу. Теперь — увереннее. Левая рука скользила по стене, правая держала фонарик. Каждый угол, каждое расширение, каждый поворот он запоминал, прокладывая мысленную карту.

Плита — тупик. Проход длиной около ста двадцати шагов. Расширение — зал. В зале — колонны, криокапсула, зона с костями. Техническая зона — дальше, за грудой бетонных обломков.

Алекс перелез через обломки — осторожно, стараясь не шуметь. За ними открывалась новая секция. Меньше, чем основной зал. Стены здесь были не бетонными, а металлическими — ржавыми, но целыми, с заклёпками и сварными швами.

Интерфейс отметил:

^^^

[Зона: техническая — восточный сектор]

[Температура: 12°C]

[Электромагнитный фон: повышенный]

^^^

Алекс нахмурился. Повышенный фон — это либо работающее оборудование, либо что-то, что оборудованием притворяется. Либо — источник аномального излучения, о котором предупреждала система.

Он двинулся вперёд, держа фонарик на вытянутой руке — чтобы свет падал не прямо перед ним, а чуть сбоку, не ослепляя и не создавая плотной тени за спиной.

Металлическая стена слева была покрыта панелями. Алекс постучал по одной — глухой звук, пустота. За ней — полость. Он попробовал открыть — панель не поддавалась. Похоже, приварена или прикручена с другой стороны.

Правая стена была иной. Сетка. Вентиляционная решётка. Большая, почти в рост человека, с толстыми болтами по углам. Ржавыми, но крепкими.

Алекс подошёл ближе. Из решётки тянуло холодом и... запахом. Тем же органическим запахом, что и в зоне с костями. Только сильнее. Концентрированнее. Свежее.

Он присел на корточки, направил фонарик сквозь решётку.

Коридор. Узкий, низкий, уходящий в глубину. Стены из грубого бетона, необработанного. Пол — грязь, смешанная с чем-то тёмным. И — кости. Снова кости. Мелкие, разбросанные, но не старые.

И движение.

Тени. Мелкие, быстрые, бесформенные. Они метались в глубине коридора, на границе света. Писк — высокий, тонкий, многоголосый.

Алекс отдёргнул фонарик, как от огня.

— Крысиное логово, — выдохнул он. — Большое крысиное логово.

Теперь понятно, откуда шорох. Понятно, чьи кости лежали на полу. И понятно, почему в зоне с костями не было свежих останков — хищники утаскивали добычу вглубь, в свои туннели.

Решётка была единственным барьером между ним и гнездом. Болты держали крепко, но насколько — неизвестно. Ржавчина могла съесть металл изнутри, и первая же сильная атака с той стороны могла сорвать решётку с петель.

Интерфейс выдал:

[Угроза: не определена количественно]
[Обнаружено: биологические объекты, количество более 10]
[Класс: не определён (недостаточно данных)]
[Рекомендация: не вскрывать решётку, не привлекать внимание]

Более десяти. Десять крыс — или не крыс, а кого-то большего — это уже стая. Стая в замкнутом пространстве — смертельная угроза даже для вооружённого человека. А он был вооружён только маленьким ножом и куском арматуры.

— Не вскрывать, — прошептал Алекс, повторяя рекомендацию системы. — Не привлекать внимание.

Он медленно отступил от решётки, не поворачиваясь к ней спиной. Каждый шаг — плавный, бесшумный. Фонарик — направлен в пол, чтобы случайный блик не привлёк внимание существ по ту сторону.

Пять шагов. Десять. Пятнадцать.

Он снова был у входа в техническую зону, за грудой обломков. Выдохнул.

Пот выступил на лбу — холодный, липкий.

— В обход, — сказал он себе. — Нужно искать другой путь.

14

Но другого пути не было. Техническая зона имела только один вход — через завал. И один выход — через вентиляционную решётку, за которой копошилась стая.

Алекс задумался.

Если решётка — единственный проход, значит, пространство за ней ведёт куда-то дальше. В другие сектора. Возможно — к выходу на поверхность.

Значит, рано или поздно придётся её открывать.

— Не сейчас, — сказал он вслух. — Сначала — подготовиться.

Он вернулся в основной зал, сел на обломок колонны и разложил перед собой содержимое рюкзака. Нож. Арматура. Фляга. Сухпайки. Бинт. Зажигалка.

С этим арсеналом против стаи не выйти.

— Нужно оружие, — сказал Алекс. — Настоящее оружие.

Он поднял фонарик и осветил зал. Стены, пол, потолок. Колонны, обломки, трубы.

Взгляд упал на длинный кусок арматуры, торчащий из груды бетона. Толще, чем тот, что он нёс с собой. Тяжелее.

Алекс подошёл, попробовал вытащить. Арматура не поддавалась — слишком глубоко сидела в бетоне. Он потратил несколько минут, раскачивая её взад-вперёд, пока кусок бетона не треснул и не отвалился.

В руках оказался прут длиной почти метр, с рваным, острым концом. Импровизированное копьё.

Интерфейс отобразил:

[Предмет: заострённая арматура]

[Класс: импровизированное оружие]

[Урон: средний]

[Особенность: дальность ближнего боя увеличена]

Средний урон — уже хорошо. Лучше, чем низкий.

Алекс положил старую арматуру в рюкзак — на всякий случай. Новую взял в правую руку, нож — в левую.

— Так лучше, — сказал он.

Он снова подошёл к технической зоне, к вентиляционной решётке. Остановился на расстоянии десяти метров. Включил фонарик, направил на решётку — но не вплотную, а сбоку, чтобы свет не бил прямо в туннель.

Стая за решёткой затихла. Или ушла глубже. Или затаилась.

Алекс подождал минуту. Две. Ни звука.

Он медленно, шаг за шагом, приблизился к решётке. Теперь она была в трёх метрах. Двух. Одного.

Он протянул руку, коснулся болтов. Ржавые, но держат. Придётся откручивать — если хватит сил. Или срезать — если будет чем.

Ножом болты не перерезать. Не тот инструмент.

Алекс отступил. Достал зажигалку. Щёлкнул. Огонёк осветил его лицо, решётку, туннель за ней. Пусто. Ни теней, ни писка.

— Ушли, — прошептал он. — Или затаились.

В любом случае — сейчас не время. Он не готов. Нужно больше припасов. Нужно понять, куда ведёт туннель. Нужно найти другой выход, если он есть.

Алекс развернулся и пошёл исследовать зал дальше — туда, куда ещё не заглядывал.

15

Дальняя часть зала, за второй группой колонн, была завалена сильнее. Бетонные глыбы нависали друг над другом, создавая подобие пещеры с низким потолком. Алекс пролез под одной, перелез через другую, протиснулся между двумя.

Здесь было темнее — фонарик едва пробивал тьму. И холоднее — температура упала ещё на пару градусов.

Интерфейс отметил:

...

[Температура: 9°C]

[Влажность: 82%]

...

Алекс поёжился. Девять градусов — это уже холодно. Если он не найдёт выход в ближайшие часы, гипотермия станет реальной угрозой.

Он продолжал идти. Обломки становились мельче, но их было больше — под ногами хрустел щебень, мелкий, как песок. Воздух стал суше — влажность упала, хотя интерфейс показывал обратное. Странно.

Он вышел к стене. Глухой бетон, без трещин, без дверей, без решёток. Тупик.

Алекс прислонился лбом к холодному бетону.

— Тупик, — сказал он. — Второй тупик.

Значит, у него есть три направления: оставаться в зале и ждать неизвестно чего, рискнуть пройти через вентиляционный туннель или вернуться к бетонной плите и искать другой проход, который он мог пропустить.

Он выбрал третье.

Часть шестая. Возвращение

16

Он вернулся к бетонной плите. Сегодня — или «в этот цикл», как называл время интерфейс — он решил осмотреть всё, что можно, с максимальной тщательностью. Каждый сантиметр стены, каждый угол, каждую трещину.

Алекс начал с плиты, на которой очнулся. Осветил её со всех сторон. Никаких надписей, никаких маркировок. Просто кусок бетона, возможно, обломок перекрытия.

Затем — стены тупика. Левая, правая, та, что напротив. Бетон, бетон, бетон. Арматура, торчащая из швов. Ни дверей, ни люков, ни намёка на проход.

Он вернулся в проход. Прошёл его медленно, ощупывая стены ладонями. В одном месте бетон был холоднее — как будто за ним была пустота. Алекс постучал — глухо. Не пустота. Просто другой состав.

В другом месте — влажное пятно. Вода просачивалась сквозь микротрещины, собиралась в капли и стекала вниз. Алекс лизнул палец, прикоснулся к пятну. Не солёное. Грунтовая вода.

— Не канализация, — сказал он. — Грунт. Значит, я глубоко под землёй.

Проход вывел его в зал. Он осмотрел зал по периметру — метр за метром. Колонны, обломки, трубы. Криокапсула — обошёл её, не приближаясь. Зона с костями — обошёл стороной.

И — нашёл.

В дальнем углу, за грудой ржавых листов металла, виднелась дверь. Не герметичная, как та, аварийная, а обычная — металлическая, с ручкой-рычагом. Покрытая толстым слоем пыли.

Алекс подошёл, потёр ручку рукавом. Под пылью оказалась латунь — или металл, похожий на латунь. Чистая, не ржавая.

Он нажал на рычаг.

Дверь не поддалась.

Он нажал сильнее — заперто.

Интерфейс выдал:

...

[Дверь: техническая]

[Статус: заблокирована]

[Тип блокировки: механическая, засов]

[Рекомендация: поискать альтернативный проход]

...

Механическая блокировка — значит, без ключа или инструмента не открыть. Алекс осмотрел дверь — нет замка, нет замочной скважины, нет электронной панели. Просто дверь, запертая изнутри или снаружи.

— Изнутри, — решил Алекс. — Скорее всего — изнутри.

Значит, кто-то закрылся за этой дверью. Или закрыл кого-то.

Он упёрся плечом, надавил. Дверь не шелохнулась. Пнул ногой — глухой звук, без эха.

— Не сейчас, — сказал он. — Потом.

17

Он вернулся к бетонной плите, сел, прислонившись к стене. Усталость снова навалилась — глухая, тянущая, не физическая даже, а какая-то костная, глубинная.

Интерфейс показывал:

[ОЗ: 40/40]

[ОВ: 18/20]

[Гидратация: 62%]

[Состояние: усталость, лёгкое сотрясение]

Выносливость упала на два пункта — видимо, от ходьбы и стресса. Он не замечал, как тратил её.

Алекс отпил воды. Ещё плоток. Интерфейс обновил гидратацию — 67%.

Он отломил кусок сухпайка, пожевал. Сухая, пресная масса, похожая на спрессованную муку. Но желудок заурчал благодарно.

Интерфейс зафиксировал:

[Приём пищи: +5 к восстановлению ОВ]

[Питание: 12% от суточной нормы]

Суточная норма. Значит, система отслеживает и это. И, возможно, накажет за недоедание.

Алекс доел сухпайк, запил водой. Выносливость восстановилась до 19.

Он закрыл глаза. Не спать — просто дать отдых глазам. В темноте это было легко — разницы никакой.

Мысли вернулись к двери. Запертая техническая дверь в углу зала. Она куда-то вела. Возможно — к выходу. Возможно — в ещё один тупик. Но выбора не было.

— Нужно открыть, — сказал он. — Рано или поздно.

Он поднялся. Взял арматуру-копье, нож, фонарик, зажигалку. Рюкзак закинул за спину.

— Поздно — это сейчас.

Он пошёл к двери.

Часть седьмая. Решение

18

Дверь не изменилась. Та же пыльная поверхность, тот же латунный рычаг, та же глухая неподатливость.

Алекс осветил дверь со всех сторон. Ручка — прикручена на болтах. Болты — без шлицов, не открутить. Засов — с другой стороны. Единственный способ — сломать.

Он отошёл на несколько шагов, разбежался и ударил в дверь плечом. Боль прострелила от плеча до шеи, но дверь не поддалась.

Ударил ногой — в район замка. Глухой звук, металлический отзвук. Ничего.

Он попробовал поддеть край двери арматурой. Засунул острый конец в щель между дверью и косяком, надавил. Арматура согнулась, но дверь не шелохнулась.

— Крепкая, — сказал Алекс.

Он выпрямился, потирая плечо. Интерфейс отметил:

...

[Плечо: ушиб]

[ОЗ: -3]

...

Три очка здоровья за одну попытку. Не критично, но неприятно.

Алекс задумался. Если ломать дверь физически — он потратит слишком много сил и здоровья. Нужно искать другой способ.

— Засов, — сказал он. — Засов с той стороны. Если я могу до него дотянуться...

Он посмотрел на щель между дверью и полом. Тонкая, не больше сантиметра. Ничего не просунуть.

Между дверью и косяком — чуть шире, но недостаточно.

— Не так, — сказал он.

Он обошел дверь, осмотрел стены рядом. Бетон, бетон, бетон. Но справа — вентиляционная решётка. Маленькая, квадратная, размером с ладонь. Высоко — почти под потолком.

Алекс притащил обломок колонны, встал на него. Дотянулся до решётки. Вставил нож между прутьями, поддел. Решётка поддалась — крепления были ржавыми, почти разрушенными. Ещё одно усилие — и решётка упала вниз, звякнув о бетон.

За решёткой — вентиляционный короб. Узкий, квадратный, уходящий вверх. Или вниз? Алекс посветил — вверх, под углом. Ведущий куда-то за дверь.

— Обходной путь, — прошептал он.

19

Вентиляционный короб был тесным. Алекс засунул в него сначала фонарик — свет показал, что короб уходит на три-четыре метра, затем поворачивает.

Поместится ли он? Алекс прикинул размеры. Ширина короба — около сорока сантиметров. Высота — тридцать. Он не широкоплечий, но плечи всё равно шире.

— Придётся боком, — сказал он. — И втянуть живот.

Он снял рюкзак, засунул его в короб первым. Затем — сам. Боком, плечом вперёд, руки вытянуты над головой. Металлические стенки короба были холодными и острыми — заусенцы царапали куртку, руки, лицо.

Алекс полз. Медленно, дюйм за дюймом. Воздух в коробе был спёртым, пыльным, с запахом ржавчины. Дышать было трудно — приходилось поворачивать голову набок, чтобы нос не упирался в стенку.

Через два метра он упёрся в поворот. Резкий, под прямым углом. Алекс вытянул руку, нащупал стенку. Нужно было развернуться — в такой тесноте казалось невозможным.

Он замер, восстанавливая дыхание. Пот заливал глаза, солил губы. Сердце колотилось где-то в горле.

— Давай, — сказал он себе. — Давай.

Он выдохнул — так, чтобы грудная клетка сжалась — и резко повернулся. Что-то хрустнуло в плече — не то сломалось, не то встало на место. Боль прострелила до локтя, но рука двигалась.

Алекс продолжил ползти.

Ещё два метра. Ещё три. Короб расширился — теперь можно было двигаться не боком, а на четвереньках.

И — выход. Ещё одна решётка, но без прутьев — просто отверстие.

Алекс выглянул.

Он был с другой стороны двери.

20

Маленькое помещение. Метра три на три. Бетонные стены, бетонный пол, бетонный потолок с единственной лампой — неработающей. В углу — деревянный ящик, набитый чем-то мягким. Напротив — стеллаж с инструментами.

И — дверь. Та самая, которую он пытался выбить, но с другой стороны. Засов — массивный, железный, перекинутый через скобу.

Алекс подполз к засову, откинул его. Дверь приоткрылась с тихим скрипом.

Он вылез из вентиляции, отряхнулся. Интерфейс отметил:

...

[ОЗ: 35/40]

[Состояние: множественные ссадины, ушиб плеча]

...

Пять очков здоровья потеряно. Но дверь открыта.

Алекс вышел в основной зал — с той стороны, где была стена с дверью. Теперь он знал, что за ней.

Комната с инструментами. Стеллаж, ящик, стены.

Он вернулся к стеллажу. Инструменты — старые, ржавые, но некоторые ещё могли пригодиться. Молоток. Гвоздодёр. Несколько отвёрток. Кусок проволоки.

Интерфейс оценил:

...

[Молоток: импровизированное оружие. Урон: низкий-средний]

[Гвоздодёр: оружие. Урон: средний. Особенность: рычаг]

[Проволока: материал]

...

Алекс взял молоток и гвоздодёр. Проволоку засунул в карман.

В ящике оказались тряпки — старые, грязные, но сухие. И — аптечка. Маленькая, зелёная, с красным крестом.

...

[Аптечка: медицинский набор]

[Содержимое: бинты, пластырь, антисептик]

[Эффект: восстановление 10 ОЗ при применении]

...

Десять очков здоровья. Как раз то, что нужно.

Алекс открыл аптечку, обработал царапины антисептиком, заклеил пластырем. Интерфейс обновил ОЗ — 40/40.

— Лучше, — сказал он.

Часть восьмая. Выхода нет

21

Он осмотрел комнату дальше. За стеллажом — ещё одна дверь. Такая же, техническая, но без засова. С ручкой-вертушкой.

Алекс повернул ручку. Дверь открылась.

За ней — коридор. Широкий, с высоким потолком. Стены облицованы белой плиткой — грязной, потрескавшейся, но белой. Пол — кафель. Лампы под потолком — разбитые, вывернутые, свисающие на проводах.

Больничным коридор. Или лабораторный.

Алекс шагнул внутрь. Шаги зазвучали громко — кафель отражал звук, многократно усиливая его. Он постарался ступать тише, но безуспешно.

Коридор вёл в обе стороны. Налево — темнота. Направо — темнота.

Алекс выбрал направо.

Прошёл метров десять. Слева — дверь. Открыл — пустая комната с койкой и тумбочкой. На койке — матрас, грязный, но без пятен. На тумбочке — пустая кружка.

Ещё десять метров. Справа — дверь. За ней — санузел. Ржавая раковина, унитаз без бачка, зеркало треснувшее.

Алекс посмотрел в зеркало. Впервые увидел своё лицо после падения.

Грязный, осунувшийся, с глубокими тенями под глазами. Царапина от виска до скулы — запёкшаяся, но не воспалённая. Взгляд — усталый, но живой.

— Нормально, — сказал он себе. — Ты выглядишь нормально.

Он умылся — вода из крана не шла, пришлось использовать флягу. Плеснул на лицо, растёр, вытер рукавом.

Интерфейс отметил:

...

[Гигиена: улучшена]

[Влияние на состояние: минимальное]

...

Минимальное, но приятное.

Он вышел из санузла и пошёл дальше.

22

Коридор закончился тупиком. Дверь — массивная, герметичная, с вентилем посередине. Как на корабле или в бункере.

Алекс подошёл, схватил вентиль. Тот не поддавался — закис, заржавел, прирос к резьбе. Он навалился всем телом — бесполезно.

Интерфейс выдал:

...

[Дверь: герметичная, тип «шлюзовая»]

[Статус: заблокирована]

[Причина: механическая неисправность запорного механизма]

...

Неисправность — значит, не открыть. Даже ломать бесполезно — шлюзовая дверь выдержит взрыв.

Алекс отошёл, осмотрел коридор в другом направлении. Налево от комнаты с инструментами — то есть, от точки входа.

Он вернулся и пошёл налево.

Двери. Одна, вторая, третья. Пустые комнаты. Кабинеты. Ещё один санузел. Помещение с разбитыми мониторами — вычислительный центр? Что-то вроде того.

И — лестница. Металлическая, винтовая, уходящая вверх.

Алекс поднял фонарик, посветил вверх. Лестница уходила высоко — на два, три, четыре этажа. Там, наверху, был люк. Или просто отверстие в потолке.

Он начал подниматься.

23

Ступеньки скрипели под ногами, но держали. Перила шатались — Алекс держался за стену, проверяя каждый шаг.

Первый пролёт. Второй. На третьем он остановился перевести дух. Высота уже была приличной — он чувствовал это по давлению в ушах. Или ему казалось.

Четвёртый пролёт. Лестница кончилась.

Перед ним был люк — квадратный, металлический, с ручкой. Не запертый.

Алекс толкнул люк. Тот открылся с пронзительным скрипом — звук разнёсся по всей шахте, многократно усиленный металлическими стенами.

Он замер, прислушиваясь. Никакой реакции — никто не бросился на звук.

Алекс вылез наверх.

24

Он оказался в круглом помещении — похожем на основание башни или наблюдательный пункт. Стены — забранные металлической сеткой проёмы, за которыми — темнота. Потолок — купол, с трещинами, сквозь которые ничего не видно.

Алекс подошёл к одному из проёмов, выглянул.

Темнота. Никаких огней. Никаких признаков поверхности.

Но воздух... воздух был другим. Свежим. Не спёртым, не затхлым, а настоящим, уличным. С запахом пыли и сухой травы — или того, что её заменяло.

Он глубоко вдохнул.

— Выход, — сказал он. — Где-то здесь есть выход.

Он осмотрел помещение. Три проёма — три направления. В одном из них, возможно, была лестница наверх — к поверхности.

Алекс выбрал проём, который пах сильнее всего. Шагнул внутрь.

Туннель. Широкий, с неровными стенами — не бетонными, а каменными, естественными. Пещера.

Он пошёл вперёд. Воздух становился свежее. Появился ветер — слабый, но ощутимый. Ветер значил, что где-то впереди есть выход на поверхность.

Алекс ускорил шаг. Туннель извивался, расширялся, сужался. Каменный пол сменился грунтом — мягким, рассыпчатым.

И — свет.

Слабый, серый, предрассветный или вечерний. Но свет.

Алекс выключил фонарик — экономия. Пошёл на свет.

Туннель вывел его к расщелине. Узкой, в человеческий рост. За ней — небо.

Настоящее небо. Серое, облачное, но живое.

Алекс шагнул к расщелине, выглянул.

Воронка.

Он был внутри огромного кратера. Стены кратера уходили вверх — на сотни метров. У подножия — руины зданий, обломки конструкций, чёрная земля.

В центре кратера — странный объект. Чёрный шар, висящий в воздухе. Медленно пульсирующий, переливающийся красным и фиолетовым.

Интерфейс взорвался сообщениями:

...

[ОБНАРУЖЕН НУЛЕВОЙ ОБЪЕКТ]
[ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: РАДИАЦИОННОЕ ПОЛЕ]
[ВНИМАНИЕ: ЗОНА СМЕРТЕЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ]
[РЕКОМЕНДАЦИЯ: НЕМЕДЛЕННО УХОДИТЬ]
...

Алекс отшатнулся.

Чёрный шар пульсировал. В такт его сердцу.

— Что это, чёрт возьми? — прошептал он.

Шар не ответил.

Алекс стоял на краю расщелины, смотрел на Воронку, на чёрный шар, на серое небо. Интерфейс мигал красным. Характеристики оставались прежними. Уровень — ноль. Ранг — Спёкшийся.

Он не знал, сколько времени прошло. Не знал, куда идти. Не знал, есть ли выход.

Знал только одно: он не умрёт здесь.

Не сегодня.

Конец главы 1.

ГЛАВА 2. ПЕРВАЯ КРОВЬ

Часть первая. Отступление

1

Он отполз от расщелины на четвереньках, не чувствуя, как острые камни впиваются в ладони. Спина была мокрой от пота, хотя воздух оставался холодным — не больше десяти

градусов. Сердце колотилось где-то в горле, и каждый удар отдавался в висках пульсирующей болью. Он полз медленно, почти беззвучно, но каждое движение давалось с трудом — мышцы дрожали от перенапряжения, дыхание сбивалось, в горле пересохло так, что язык прилипал к нёбу.

Чёрный шар. Висящий в воздухе. Пульсирующий в такт его сердцу.

Алекс остановился только тогда, когда туннель сделал поворот и расщелина исчезла из виду. Он прислонился к стене, сполз по ней вниз, сел на холодный каменный пол. Руки дрожали. Не от холода — от чего-то более глубокого, первобытного, что включается в организме, когда он сталкивается с тем, что не может объяснить. Этот механизм был древнее мышления, древнее языка — чистая, незамутнённая реакция на невозможное.

— Что это, чёрт возьми, было? — прошептал он. Голос прозвучал чужеродно в тишине туннеля, словно принадлежал кому-то другому.

Интерфейс, до этого мигавший красными предупреждениями, постепенно успокаивался. Полосы тревоги сменялись жёлтыми, затем тускнели до обычного зелёного свечения. В углу зрения всё ещё горел значок — маленький красный треугольник с восклицательным знаком внутри. Он пульсировал медленно, размеренно, как маячок на запретной территории.

Алекс мысленно нажал на него. Интерфейс развернул сообщение:

...

[ЗОНА СМЕРТЕЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ: НУЛЕВОЙ ОБЪЕКТ]

[Радиус поражения: 50 метров]

[Текущее расстояние: 52 метра]

[Статус: условно безопасно]

[Рекомендация: не приближаться. Не смотреть прямо. Не находиться более 10 минут]

...

Пятьдесят два метра. Он был всего в двух метрах от смертельной зоны. Два метра — и интерфейс, возможно, не успел бы предупредить. Или успел бы, но было бы поздно. Алекс представил, что могло случиться, если бы он сделал ещё несколько шагов. Радиационное поражение? Мгновенная смерть? Превращение в нечто такое же пульсирующее и невозможное, как этот чёрный шар?

Он закрыл лицо руками. Ладони пахли камнем, пылью и чем-то металлическим — возможно, кровью из ссадин. Он посидел так с минуту, просто дыша. Квадратное дыхание: вдох на четыре счёта, задержка на четыре, выдох на четыре, пауза на четыре.

Этот навык пришёл из ниоткуда. Он не помнил, где научился так дышать. Может быть, на курсах выживания, которые он никогда не посещал. Может быть, в армии, в которой он не служил. А может быть, интерфейс сам подсказывал телу правильный ритм, как искусственный водитель ритма для сердца.

Пульс выровнялся. Мысли начали обретать структуру.

Он поднял голову, посмотрел на интерфейс. Тот висел в воздухе — точнее, в его поле зрения — такой же спокойный и деловитый, как и раньше. Без паники. Без эмоций. Просто данные. Зелёные символы на чёрном фоне, которые перекрывали реальность, как слои в графическом редакторе.

...

[Уровень: 0]
[Ранг: Спёкшийся]
[ОЗ: 37/40]
[ОВ: 14/20]
[Опыт: 0]
...

Опыт: ноль. Он ничего не убил. Ничего не достиг. Даже не получил травму, которая бы оправдывала потерю трёх очков здоровья — ушиб плеча при попытке выбить дверь, царапины от вентиляционного короба, мелкий порез на ладони, который он даже не заметил в темноте. Мелочь, которая тем не менее стоила ему трёх процентов запаса прочности.

Алекс посмотрел на свои руки. На правой ладони действительно был порез — неглубокий, но длинный, от основания указательного пальца до запястья. Он не помнил, когда порезался. Возможно, когда пролезал через вентиляцию, задел за острый край металла.

Интерфейс тут же отреагировал:

...

[Правая ладонь: резаная рана]
[Кровопотеря: минимальная]
[ОЗ: -0.5/час при отсутствии обработки]
...

— Пол-очка в час, — сказал Алекс. — Забавно.

Он достал аптечку — ту самую, зелёную, с красным крестом, найденную в комнате за дверью. Открыл, достал антисептик. Жидкость пахла спиртом и чем-то химическим — возможно, перекисью водорода. Он полил на рану. Зашипело, зашипало. Алекс стиснул зубы, но не отвёл руку.

Потом — пластырь. Широкий, из плотной ткани, почти неэластичный. Он заклеил рану, разгладил края. Интерфейс обновил ОЗ до 38, а затем — через несколько секунд — снова до 39.

— Восстанавливается? — удивился Алекс. — Или система округляет?

Интерфейс не ответил.

Он поднялся. Ноги дрожали — долгое сидение на холодном полу дало о себе знать. Он переступил с ноги на ногу, разгоняя кровь. Колени хрустнули. Позвоночник щёлкнул где-то в грудном отделе.

Нужно было идти. Возвращаться в основную часть комплекса. Пересмотреть всё, что он знал, с учётом новой информации.

Чёрный шар. Воронка. Нулевая Точка.

Система назвала объект «Нулевым». То же слово, что и в приветствии: «Добро пожаловать в Нулевую Точку». Это не случайность. Это название места. Или явления. Или всего этого мира, в который он попал.

— Воронка, — сказал Алекс вслух. — Нулевая Точка. Одно и то же.

Он двинулся обратно по туннелю. Теперь он шёл медленнее, внимательнее. Каждый камень, каждый поворот, каждый запах он запоминал, заносил в мысленную карту. Мысленная карта — единственное, что у него было, кроме интерфейса. Она была ненадёжной — память подводила, особенно после сотрясения. Но лучшего инструмента у него не было.

Туннель вывел его в круглое помещение — наблюдательный пункт или основание башни. Три проёма. Один вёл вверх, к поверхности. Другой — в сторону, в неизвестность. Третий — вниз, к лестнице, ведущей в знакомую часть комплекса.

Алекс выбрал третий.

2

Спуск по винтовой лестнице занял несколько минут. Ступеньки скрипели под ногами, но держали — металл не проржавел насквозь, только покрылся слоем рыхлой, шелушащейся ржавчины. Перила шатались — Алекс держался за стену, проверяя каждый шаг. Один раз его нога соскользнула с влажной ступеньки — он едва удержался, повиснув на поручне. Сердце ухнуло вниз, в животе стало холодно.

— Осторожнее, — сказал он себе. — Ты нужен себе живым.

Он спустился на уровень технической зоны. Прошёл по коридору с белой плиткой — теперь ему казалось, что плитка стала ещё грязнее, чем раньше, или просто он стал замечать больше деталей. Трещины, сколы, следы копоты. На одной из плиток кто-то нацарапал что-то острым — может быть, букву, может быть, символ. Алекс остановился, посветил фонариком.

«ПОМН»

Три буквы. Не «Помни» целиком — только начало слова. Или не слова. Может быть, аббревиатура. Может быть, чьё-то имя. Алекс провёл пальцем по царапинам — они были глубокими, въевшимися в глазурь плитки. Сделаны не торопливо, а с усилием, как будто человек вкладывал в каждую черту всю свою злость или отчаяние.

— Кто ты был? — спросил он у букв. Буквы не ответили.

Он пошёл дальше. Комната с инструментами — всё на месте. Стеллаж, ящик, стены. На полу — его следы, в пыли. Алекс на секунду представил, что кто-то придёт сюда после него,

увидит эти следы и задастся вопросом, кто здесь был. Или ему просто хотелось верить, что здесь будет «после него».

Он вышел в основной зал.

Зал встретил его темнотой и тишиной. Той самой тишиной, которая была не пустой, а насторожённой. Как будто стены имели уши, а пол — нервные окончания, и всё это пространство чувствовало его присутствие, оценивало, ждало.

Алекс включил фонарик — луч света выхватил из темноты колонны, обломки, бетонную пыль на полу. Всё было на месте. Кριοкапсула в дальнем углу — всё так же герметичная, загадочная, пугающая. Запертая дверь — теперь открытая, он сам её открыл, и это было маленькой победой. Груда обломков, за которой — вентиляционная решётка и туннель с крысами.

Крысы.

Алекс остановился. Вспомнил тени за решёткой. Писк — многоголосый, высокий, нервный. Глаза, светящиеся в темноте жёлтым. Запах — кислый, мускусный, животный.

Он подошёл к бетонной плите — той самой, на которой очнулся. Сегодня это место стало его базой, точкой отсчёта, единственным клочком пространства, который он мог назвать «своим». Не потому, что оно принадлежало ему по праву, а потому, что он вернулся сюда трижды и каждый раз находил его неизменным.

Алекс сел, прислонившись к стене. Разложил перед собой содержимое рюкзака.

Сухпайки — три плитки. Примерно на два дня, если экономить. Каждая плитка была размером с пачку сигарет, спрессованная масса из злаков, сухофруктов и неизвестных добавок. На вкус — пресно, почти безвкусно, но питательно. Интерфейс показывал, что одна плитка даёт 30% суточной нормы калорий.

Фляга — вода, около литра. Пластиковая, поцарапанная, с отколотой крышкой. На дне плавали какие-то крупинки — возможно, песок, возможно, накипь.

Нож — маленький, складной, с чёрной рукояткой и лезвием длиной в ладонь. Острый — Алекс провёл пальцем по лезвию, и кожа на подушечке побелела, но не порезалась.

Зажигалка — почти полная, прозрачный корпус, видно уровень газа. Жёлтая, дешёвая, купленная неизвестно где неизвестно когда.

Арматура-копё — метр длиной, с рваным наконечником. Тяжёлая, неудобная, но надёжная.

Гвоздодёр — тяжёлый, с загнутым концом и заострённым «хвостом». Хороший рычаг и неплохое оружие в ближнем бою.

Проволока — кусок, метра полтора, стальная, в пластиковой оплётке.

Молоток — маленький, слесарный, с квадратным бойком и слегка погнутым деревянным черенком.

Аптечка — использована частично, осталось: бинт (ещё почти целый рулон), пластырь (несколько полосок разной ширины), немного антисептика на дне флакона.

И — инструменты, которые он не взял из подсобки: отвёртки (крестовая и плоская, обе с обломанными кончиками), ключи разного размера (ржавые, но не рассыпающиеся), кусок наждачной бумаги (почти стёртый в пыль).

Алекс пересчитал всё ещё раз. Взвесил в руке арматуру. Тяжёлая. Метр — хорошая длина, можно держать врага на расстоянии. Острый конец — войдёт в плоть. Неглубоко, но войдёт.

— Крысы, — сказал он. — Крысы не крупные. Е-класс, наверное. Первый-второй уровень. Если интерфейс правильно оценивает угрозы.

Он не знал, правильно ли. Система ещё ни разу не ошиблась в том, что сообщила. Но она многого не сообщала. «Класс: не определён (недостаточно данных)» — это было всё, что он получил о крысах в прошлый раз.

Алекс закрыл глаза. Сделал несколько глубоких вдохов.

Мысли текли медленно, как смола. Сотрясение давало о себе знать — голова гудела, в глазах иногда двоилось, особенно когда он резко поворачивался. Но он мог думать. Мог анализировать. Мог строить планы.

— Еда, — сказал он. — Опыт. Если система работает как игра — а она работает как игра — то убийство врагов даёт опыт. Уровни дают очки характеристик. Очки характеристик делают меня сильнее.

Он посмотрел на свои параметры. Сила 2 — урон 4 (плюс базовый урон оружия). Выносливость 2 — здоровье 40. Он был слаб. Слишком слаб, чтобы рисковать.

— Но если я не буду рисковать, я никогда не стану сильнее.

Дилемма, у которой не было правильного решения. Только выбор между разными видами смерти: смерть от голода (медленная, мучительная, когда организм поедает сам себя), смерть от холода (она уже подбиралась к нему — температура в зале продолжала падать), смерть от крыс (быстрая, но болезненная), смерть от Нулевого объекта (неизвестная, но, судя по предупреждениям системы, мгновенная).

Алекс выбрал крыс.

3

Он поднялся. Взял арматуру. Проверил нож. Зажигалку положил в нагрудный карман — ближе к телу, чтобы не замёрз газ.

— Я пойду к решётке, — сказал он. — Посмотрю. Если атакуют — убью одну. Одну. Потом посмотрю, что изменится.

Он пошёл.

Путь до технической зоны занял несколько минут. Алекс двигался медленно, стараясь ступать бесшумно. Каждый шаг — сначала носок, потом пятка, без хруста. Он обходил куски бетона, битое стекло, ржавые листы металла. Воздух становился холоднее с каждым метром — техническая зона была самой холодной частью комплекса, который он успел исследовать.

Вентиляционная решётка была на месте. За ней — тишина. Ни писка, ни шороха, ни теней.

Алекс подошёл ближе. Остановился в трёх метрах. Прислушался.

Ничего. Только звук собственного дыхания и где-то далеко — капающая вода.

Он сделал шаг. Ещё один.

В этот момент из-за решётки показалась морда.

Серая. Вытянутая. С длинными, желтоватыми резцами, которые перекрывали нижнюю челюсть даже при закрытой пасти. Глаза — жёлтые, с вертикальными зрачками, как у змеи. Уши — большие, кожистые, прижаты к черепу.

Алекс замер. Его собственное дыхание вдруг стало слишком громким.

Интерфейс сработал мгновенно:

...

[ОЦЕНКА НЕДОСТУПНА — требуется навык]

[Объект: неизвестное существо, класс Е (предположительно)]

[Уровень: по оценке 1-2]

...

Навык «Оценка» требовал третьего уровня. У Алекса был ноль. Он видел врага, но не знал о нём почти ничего. Только то, что подсказывали глаза и интуиция.

Крыса была небольшой — сантиметров тридцать в длину, не считая хвоста, который был почти такой же длины и волочился по полу. Тело — худое, поджарое, с выступающими рёбрами. Шерсть — короткая, грязно-серая, кое-где вытерта до кожи, кое-где — слипшаяся в колтуны. На боку — старый шрам, белая полоска без шерсти.

Крыса не спешила атаковать. Просто смотрела. Изучала.

Алекс смотрел в ответ. Они смотрели друг на друга несколько секунд — вечность по меркам боя или жизни в Воронке. Крыса моргнула. Не как животное — медленно, осознанно, как будто оценивала его реакцию.

Потом крыса принялась. Дёрнула носом — маленьким, влажным, розовым. Открыла пасть — изнутри пахло гнилью и чем-то кислым, похожим на уксус. Алекс сдержал рвотный позыв.

— Уходи, — тихо сказал он. — Уходи отсюда.

Крыса не ушла. Она шагнула вперёд, протискиваясь между прутьями решётки. Прутья были ржавыми, старыми, но держали — крыса пролезла не через них, а через щель внизу, где решётка неплотно прилегала к полу. Тело сжалось, кости хрустнули — и вот она уже по ту сторону.

Алекс сделал шаг назад. Крыса шагнула вперёд.

— Ну, — сказал он. — Было твоё желание.

Он поднял арматуру и ударил.

4

Удар вышел неуклюжим. Он целился в голову, но крыса дёрнулась в последний момент — её реакция была быстрее, чем он ожидал. Остриё арматуры скользнуло по спине, только царапнув кожу, но не пробив её. Крыса взвизгнула — коротко, пронзительно, как сигнал тревоги — и прыгнула.

Алекс едва успел отшатнуться. Когти прошли в сантиметре от его голени — он почувствовал движение воздуха, но не касание. Он отбился ножом — лезвие полоснуло воздух, не задев врага.

— Чёрт!

Он отступил ещё на шаг, прижался спиной к стене. Теперь крыса могла атаковать только спереди — по крайней мере, он не даст ей зайти со спины. Крыса перегруппировалась, развернулась, снова прыгнула.

На этот раз Алекс был готов.

Он встретил прыжок арматурой — не остриём, а древком, как шестом. Прут упёрся крысе в грудь, остановил её в воздухе. Крыса повисла на арматуре, щёлкая зубами в нескольких сантиметрах от его пальцев. Зубы клацнули — звук был похож на удар двух камней друг о друга.

Алекс дёрнул оружие вниз, прижимая крысу к полу. Та забилась, заскребла когтями по бетону — раздался противный скрежет, от которого сводило зубы. Он наступил на неё ногой — ботинок придавил задние лапы. Крыса дёрнулась, но не смогла освободиться.

Крыса взвизгнула снова. Громче. Отчаяннее.

Алекс поднял арматуру и опустил её остриём вниз, как кол. Остриё вошло в бок крысы — неглубоко, сантиметра на два. Из раны брызнула тёмная, почти чёрная кровь. Тёплая, липкая. Несколько капель попали на лицо Алекса — он почувствовал железный вкус на губах.

Интерфейс выдал:

[Урон: 6]

[Противник: -6 ОЗ]

Шесть очков урона. Крыса потеряла шестую часть своего здоровья — если у неё было 30-40 ОЗ, как у человека с похожими характеристиками.

Крыса забилась сильнее. Алекс нажал на арматуру, вгоняя глубже. Что-то хрустнуло — кость или хрящ. Крыса дёрнулась, потом обмякла. Не умерла — просто перестала сопротивляться.

[Урон: 4]

[Противник: -4 ОЗ]

[Противник повержен]

Алекс стоял над тушкой, тяжело дыша. Кровь капала с арматуры на бетон, растекаясь маленькой тёмной лужей. Он смотрел на крысу — она была неподвижна, но глаза всё ещё были открыты. Жёлтые, мутнеющие, но всё ещё с вертикальными зрачками.

Интерфейс засветился ярче:

[Опыт: +20]

[Убито существ: 1]

Двадцать очков опыта. Всего-то. Четыре таких крысы — и он получит уровень.

Он вытащил арматуру из тела крысы. Кровь на наконечнике уже начала темнеть и густеть — странно быстро, словно в ней было что-то, что ускоряло свёртываемость. А может быть, ему просто казалось.

Алекс отступил на шаг. Посмотрел на труп. На решётку. Оттуда не доносилось ни звука — остальные крысы, если они были, затаились.

Он поднял фонарик, направил на решётку. Пусто. Только темнота. Глубокая, плотная, почти осязаемая.

— Одна, — сказал он. — Только одна.

Он не знал, хорошо это или плохо.

Он не стал сразу лезть за второй. Вместо этого отошёл к бетонной плите, сел, открыл интерфейс.

[Опыт: 20/100 до уровня 1]

Восемьдесят очков до следующего уровня. Четыре такие крысы. Или две покрупнее. Или одна, но сильная.

— Четыре, — повторил Алекс. — Четыре, и я получу уровень. А с уровнем — очки характеристик.

Он посмотрел на свои параметры. Сила 2. Выносливость 2. Сорок здоровья. Десять выносливости. Он был хрупким, как стекло.

Ему нужно было больше здоровья. Выносливость 3 даст 60 ОЗ — тридцать процентов запаса прочности. Сорок процентов, если считать от текущего уровня. Это могло стать решающим в следующем бою.

И сила. Четыре единицы урона от оружия — это смешно. Он едва пробил кожу крысы. Если встретится что-то крупнее, арматура просто не войдёт достаточно глубоко. А более крупные враги были — Шрам говорил о матке, о вожаке. D-класс. Пятый уровень.

— Значит, — сказал он вслух, — стратегия такая: сначала убить ещё трёх крыс. Получить уровень. Вложить очки в силу и выносливость. Потом уже думать о большем.

Он поднялся. Взял арматуру. Проверил нож — лезвие чистое, не затупилось. Зажигалка — в кармане. Фонарик — на поясе, на карабине, чтобы не ронять и не мешать рукам.

И пошёл обратно к решётке.

Часть вторая. Охота

6

На этот раз он действовал иначе. Не стоял на месте, не ждал атаки. Он принёс из основной части зала несколько кусков бетона — плоских, тяжёлых, с ровными краями — и выложил их перед решёткой, создавая подобие баррикады. Невысокой, всего в полметра, но достаточной, чтобы сбить прыжок и заставить крыс замедлиться перед атакой.

Баррикада заняла несколько минут. Алекс работал быстро, но аккуратно — каждый блок он проверял на устойчивость, прижимал, подбивал гвоздодёром. Получилось три ряда — первый из крупных обломков, второй из поменьше, третий — из мелкого щебня, чтобы заполнить щели.

Потом он достал зажигалку и кусок тряпки из аптечки. Сухой, чистой, почти стерильной. Жалко было портить — бинты и пластыри могли ещё пригодиться. Но выбора не было. Свет был его преимуществом.

— Если они боятся света, — сказал Алекс, — я дам им свет.

Он поджёт тряпку. Маленький язычок пламени осветил техническую зону — стены, пол, решётку. Тени заплясали по бетону, оживляя его, делая похожим на лицо с глубокими морщинами и пустыми глазницами.

Алекс поднёс горящую тряпку к решётке.

Ничего.

Ни писка, ни шороха.

Он подождал минуту. Две. Тряпка догорела наполовину, пламя стало меньше, но ярче.

И вдруг из темноты туннеля донёсся звук. Не писк — нечто более низкое, горловое, похожее на рык маленькой собаки. Звук был угрожающим — не испуганным, не предупредительным, а именно угрожающим. «Я здесь, я сильнее, уходи».

Алекс напрягся.

Из-за решётки показались две морды. Одновременно. Крупнее первой — может быть, самцы. Шерсть — тёмно-серая, почти чёрная, глаза — жёлтые, горящие в темноте. Они смотрели на огонь — и не отступали. Зрачки сузились в вертикальные щёлки, но крысы не бежали.

— Понятно, — сказал Алекс. — Свет не пугает. Или пугает, но голод сильнее.

Он отбросил тряпку в сторону — пусть горит, даёт свет и отвлекает внимание. Сам взял арматуру наизготовку, нож — в левую руку, как щит.

Первая крыса полезла через щель. За ней — вторая. Они двигались синхронно, как будто координировали атаку.

Алекс встретил их на баррикаде.

7

Первую он ударил, когда она только перелезала через бетонный блок. Остриё арматуры вошло в шею — мягкая плоть, хруст позвонков, тёплая кровь на пальцах. Крыса дёрнулась, повисла на оружии, заскребла лапами по блоку, пытаясь удержаться.

...

[Урон: 8 (критическое попадание)]

[Противник: -8 ОЗ]

...

Интерфейс засветился ярче — вспышка зелёного на периферии зрения. Алекс дёрнул арматуру на себя — наконечник вышел из раны с влажным чавканьем. Крыса упала на бетон, забилась в агонии, затихла.

...

[Опыт: +20]

...

Вторая крыса воспользовалась моментом. Она перепрыгнула через тело первой и бросилась на Алекса, целясь в ногу. Когти щёлкнули в воздухе — Алекс услышал этот звук и успел отвести ногу.

Он не успел отвести арматуру — пришлось блокировать ножом. Лезвие полоснуло крысе по морде, рассекло кожу над глазом, от уха до носа. Крыса взвизгнула — высоко, пронзительно — отпрянула, потряхивая головой. Кровь заливала глаз, но она не убежала. Закружила вокруг, ища момент для новой атаки.

Алекс развернулся, прижался спиной к стене. Теперь крыса могла атаковать только спереди — никакой возможности зайти со спины или сбоку.

— Давай, — сказал он. — Давай, иди сюда.

Крыса бросилась. Не в ногу — в горло. Прыжок был мощным, рассчитанным на то, чтобы сбить с ног.

Алекс не стал отступать. Он шагнул навстречу и ударил арматурой наотмашь — не остриём, а древком, как битой. Прут попал крысе в бок, отбросил её в сторону. Она ударилась о бетонный блок, кувыркнулась, вскочила, зашипела.

Алекс не стал ждать. Он шагнул вперёд и нанёс колющий удар — сверху вниз, как молот. Арматура вошла крысе в спину, пробила лёгкие, вышла из груди. Крыса хрипнула — не взвизгнула, а именно хрипнула, как забитое животное.

...

[Урон: 9]

[Противник повержен]

[Опыт: +20]

...

Алекс выдохнул. Пот заливал глаза — он вытер лицо рукавом. Руки дрожали — от адреналина, от напряжения, от холода, который начинал пробираться до костей.

Он посмотрел на интерфейс:

...

[Опыт: 60/100]

...

Тридцать очков до уровня. Ещё одна крыса — и он получит первый уровень.

— Ещё одна, — сказал он. — Только одна.

Он подождал. Прислушался.

Тишина. Ни звука из туннеля. Ни шороха, ни писка, ни дыхания.

— Ушли, — прошептал Алекс. — Или затаились.

Он отошёл от решётки, сел на бетонный блок. Посмотрел на трупы двух крыс. Первая лежала у баррикады, вторая — в трёх метрах от неё, в луже крови, которая расплзалась по бетону, впитываясь в микротрещины.

— Двадцать за каждую, — сказал он. — Сто нужно на первый уровень. Если бы я знал, сколько дают за жоака...

Но жоак не показывался. Может, его и не было. Может, эти три крысы — всё, что осталось от стаи. Может, остальные разбежались.

Алекс не верил в удачу. Не в этом месте. Не с этой системой.

Он поднялся. Нужно было убрать трупы — запах крови мог привлечь что-то похуже крыс. Что-то, что он ещё не видел. Он оттащил их за баррикаду, в угол технической зоны, накрыл куском ржавого металла, который нашёл у стены.

Интерфейс отметил:

...

[Область: очищена]

[Запах крови: снижен]

...

Снижен — не устранён. Но лучше, чем ничего.

8

Четвёртая крыса пришла через час.

Алекс сидел в темноте — фонарик выключил, чтобы экономить батареи, зажигалку не использовал, потому что газ мог кончиться в самый неподходящий момент. Он просто ждал. Слушал. Дышал в такт сердцу.

Сначала он услышал шорох. Тонкий, едва различимый, как будто кто-то скрёб когтями по бетону. Шорох приближался — медленно, осторожно, с остановками.

Потом — запах. Кислый, мускусный, животный. Запах страха и голода одновременно.

Потом — писк. Тихий, вопросительный. Крыса спрашивала: «Там кто-то есть? Опасно? Можно войти?»

Алекс медленно, бесшумно взял арматуру. Замер. Превратился в статую — только глаза двигались, отслеживая пространство перед решёткой.

Из-за решётки показалась морда. Одна. Крыса огляделась, принялась, шагнула вперёд. Она была мельче предыдущих — может быть, детёныш. Или просто худая, истощённая, изгнанная из стаи. Шерсть висела клочьями, рёбра выступали под кожей.

Она не увидела Алекса в темноте. Слепая в отсутствие света — или почти слепая. Прошла мимо баррикады, не заметив трупов и запаха крови — или не обратив на них внимания. Направилась в сторону основного зала — туда, где пахло человеком. Едой. Теплом.

Алекс подождал, пока она отойдёт на пару метров. Потом встал.

Крыса замерла. Повернула голову. Глаза — жёлтые, расширенные — уставились на тёмный силуэт.

Он ударил арматурой — быстро, без замаха, просто толкнул остриё вперёд, как копьё. Наконечник вошёл крысе в бок, пробил ребро, застрял в грудной клетке.

Крыса взвизгнула — долго, протяжно, страшно. Забилась, пытаясь сорваться с арматуры. Когти скрежетали по металлу. Кровь хлестала из раны, заливая пол.

Алекс нажал сильнее. Крыса дёргалась, но не могла освободиться. Он чувствовал, как её сердце бьётся через арматуру — быстро, панически, умирая.

...

[Урон: 7]

[Противник: -7 ОЗ]

...

Крыса дёрнулась ещё раз. Затихла.

...

[Противник повержен]

[Опыт: +20]

...

И следом — секундой позже — яркая вспышка интерфейса:

...

[ОПЫТ: 80/100]

[УРОВЕНЬ 1 ДОСТИГНУТ]

...

Алекс не почувствовал ничего. Ни прилива сил, ни изменения в теле, ни вспышки света. Просто — цифра изменилась. «Уровень: 0» превратилось в «Уровень: 1».

И добавилась строка:

[Доступно очков характеристик: 3]

Три очка.

— Вот и первый уровень, — сказал он. — Спёкшийся больше не спёкшийся.

Он отбросил труп крысы в сторону, сел на бетонный блок. Открыл интерфейс. Посмотрел на свои характеристики.

СИЛ: 2

ЛВК: 3

ВНС: 2

ИНТ: 5

ВСП: 3

Сила 2 — слишком мало для эффективного боя.

Выносливость 2 — слишком мало для выживания.

Остальное — терпимо. Интеллект 5 — его главное преимущество. Ловкость 3 — средняя. Восприятие 3 — не ослеп, и то хорошо.

Алекс задумался. Закрыл глаза, взвешивая варианты.

Если вложить все три очка в выносливость, здоровье станет 100. Это почти неуязвимость для крыс — их урон был 6-8 за удар, нужно было десять попаданий, чтобы убить его. Но его собственный урон останется смешным — 4 плюс оружие. Он будет долго забивать врагов, тратить время и силы, рисковать, что кто-то более крупный придёт на шум боя.

Если вложить в силу — урон вырастет. При Силе 5 базовый бонус будет 10. Плюс урон оружия — арматура давала 2-3, нож — 4-5. Итого — 12-15 за удар. Это позволяло убивать крыс с одного-двух ударов. Но здоровье останется 40. Один-два неудачных боя — и он мёртв.

Если вложить в ловкость — скорость атаки и уклонение. Он станет быстрее, труднее для попадания. Но один попавший удар всё равно может стать смертельным.

— Компромисс, — сказал Алекс. — Два в силу, один в выносливость.

Он распределил очки.

[СИЛ: 2 → 4]

[ВНС: 2 → 3]

Интерфейс пересчитал параметры:

...

[ОЗ: 40 → 60]

[ОВ: 20 → 30]

[Урон: базовый +8]

...

Шестьдесят здоровья. Тридцать выносливости. Урон — на два очка больше, чем раньше (с учётом оружия — на четыре-пять).

Алекс встал. Сжал арматуру. Чувствовал ли он разницу? Он не был уверен. Может быть, руки стали чуть твёрже. Может быть, спина — чуть прямее. Может быть, в груди появилась лёгкость, которой не было раньше. А может быть, это просто самовнушение, плацебо от системы.

— Это работает, — сказал он. — Система работает.

Он убил четырёх крыс. Получил уровень. Стал сильнее.

Теперь оставалось убить ещё двадцать — до следующего уровня.

9

Он не стал лезть в туннель за решёткой. Слишком темно, слишком тесно, слишком много неизвестных факторов. Туннель мог быть длинным, мог разветвляться, мог кишеть крысами, которых он не видел из-за решётки. В тесноте он не смог бы использовать преимущество длины арматуры.

Вместо этого он вернулся в основной зал, к бетонной плите. Развёл маленький костёр из тряпок и обломков дерева — дерево он нашёл в комнате с инструментами, старый ящик, разбитый на щепки. Древесина была сухой, почти трухлявой, но горела хорошо, давая жар и свет.

Огонь — это хорошо. Огонь — это тепло, свет, защита от хищников. И возможность приготовить еду, если понадобится.

Алекс сидел у костра, смотрел на пламя. Интерфейс показывал время:

...

[Время с момента активации: 14 часов 22 минуты]

...

Он был здесь почти пятнадцать часов. И за это время — убил четырёх крыс, открыл одну дверь, нашёл аптечку, увидел Нулевой объект, встретил человека.

Негусто.

Но он был жив. И он был сильнее, чем пятнадцать часов назад. Уровень 1 вместо нуля. Шестьдесят здоровья вместо сорока. Урон выше на сорок процентов.

— Завтра, — сказал он. — Завтра пойду дальше.

Он подкинул щепок в огонь. Пламя взметнулось, осветило колонны, потолок, дальние стены зала.

И вдруг — на границе света — Алекс заметил движение.

Тень. Больше, чем крыса. Темнее, чем просто отсутствие света. Она двигалась — медленно, плавно, как рыба в воде — между колоннами, скрываясь за обломками.

Алекс замер. Медленно взял арматуру.

Тень не двинулась. Замерла сама.

— Кто здесь? — спросил Алекс. Голос прозвучал громче, чем он хотел, — эхо отразилось от стен, вернулось искажённым.

Тишина.

Он поднял фонарик, направил в ту сторону. Луч света скользнул по бетонному полу, обломкам, колоннам. Никого.

Но тень... она была. Алекс это знал. Пространство не могло создать тень без объекта. Свет от костра был жёстким, направленным — он создавал чёткие, глубокие тени. И одна из них двигалась.

Он встал, держа оружие наготове. Сделал шаг от костра. Ещё один.

Луч фонарика упёрся в колонну. Обогнул её. И —

Ничего.

Пустота. Только пыль, танцующая в луче света.

Алекс выдохнул. Наверное, показалось. Усталость, стресс, сотрясение. Мозг начинал играть с ним злые шутки, дорисовывая угрозы там, где их не было.

Он вернулся к костру. Сесть не успел — интерфейс мигнул:

...

[Датчик движения: нестабильные сигналы]

[Источник: не определён]

...

Не показалось.

— Выходи, — сказал Алекс в темноту. — Я тебя вижу.

Тишина.

Потом — голос. Хриплый, надтреснутый, как у человека, который долго не пил и не говорил. Голос, сорванный криком или болезнью. Голос, который не использовали месяцами.

— Ты не отсюда.

Алекс развернулся. Голос шёл справа, из-за груды обломков — бетонных плит, сложенных друг на друга, как домино.

— Ты не из Воронки, — повторил голос. — Я чувствую.

— Выходи, — повторил Алекс. — Или я сам подойду.

Пауза. Долгая, напряжённая. Слышно было, как потрескивает костёр и как что-то скребётся в темноте — может быть, крыса, может быть, что-то другое.

Шорох. Из-за обломков показался человек.

Часть третья. Шрам

10

Человек был грязным. Не просто небритым или немытым — по-настоящему, глубоко грязным, как будто он не прикасался к воде месяцами. Грязь въелась в кожу, в складки, в морщины, сделав его лицо похожим на кору старого дерева.

Оборванный. Одежда — лохмотья, которые когда-то были курткой и штанами, но теперь превратились в набор нитей, кое-как держащихся вместе. Алекс видел сквозь дыры бледную, покрытую шрамами кожу.

С длинной, спутанной бородой — в ней застряли кусочки пищи, пыль, может быть, кровь. Волосы на голове — такие же спутанные, свисающие на лицо жирными прядями.

В руках — ржавый нож, длинный, как тесак. Лезвие было в зазубринах, но кончик — острый, заточенный до блеска. Человек держал нож уверенно, как будто носил его годами, как продолжение своей руки.

Интерфейс выдал:

...

[Оценка: не определена — требуется навык]

[Объект: человек (предположительно)]

[Угроза: неизвестна]

...

Человек смотрел на Алекса. Не на костёр — на него. Взгляд — голодный, оценивающий, но не враждебный. Пока.

Он стоял неподвижно, только глаза двигались — изучали Алекса с ног до головы, задерживаясь на арматуре, на ноже, на рюкзаке.

— Ты один? — спросил он.

— Один.

— Как спустился?

— Не помню.

Человек хмыкнул. Звук был похож на рык — низкий, горловой. Он сплюнул на пол — тёмную, густую слюну, возможно, с кровью.

— Амнезия, — сказал он. — Бывает. У меня тоже была. Прошла.

Он шагнул ближе к костру. Алекс сжал арматуру, но не поднял. Не угрожал. Просто держал наготове.

Человек заметил это движение. Усмехнулся — криво, одной стороной рта.

— Не бойся, — сказал он. — Я не хищник. Я — такой же, как ты. Выживший.

— Как тебя зовут?

Человек запнулся. На секунду его лицо потеряло выражение — стало пустым, как у спящего. Он словно вспоминал имя, которое давно не использовал, которое принадлежало другому человеку, умершему где-то по дороге.

— Зови меня... — он снова запнулся, потер лицо грязной ладонью. — Шрам. Зови Шрам. Все так зовут.

Алекс посмотрел на лицо собеседника. Теперь, при свете костра, он разглядел шрам — глубокий, тяжёлый, от виска до подбородка, через левый глаз. Шрам начинался где-то в волосах, пересекал лоб, рассекал бровь, проходил через щёку и исчезал в бороде. Глаз под шрамом был белым, мёртвым — молочная пелена, затянувшая зрачок и радужку.

— Шрам, — повторил Алекс. — Я Алекс.

— Алекс, — Шрам кивнул. Кивок был тяжёлым, как будто голову держала на себе целая жизнь. — Ты недолго протянешь, Алекс. Если останешься здесь.

— Куда мне идти?

— Туда, — Шрам махнул рукой в сторону технической зоны, где была решётка и туннель. — За решётку. К жожаку. Убей его — получишь уважение. Не убьёшь — сожрут.

— Ты был там?

— Был. И ушёл. Вожак сильный. Но не сильнее человека с головой.

Шрам подошёл к костру, сел напротив Алекса. Положил тесак на колени — демонстративно, чтобы Алекс видел, что нож не в руке, не в положении для атаки. Жест доверия — или ложной безопасности.

— Ты пришёл в мои владения, — сказал он. — Я мог бы убить тебя. Но ты не враг. Ты — возможность.

— Какая?

— Объединиться. Вместе мы сильнее. Один я — охочусь на крыс. Двое — можем взять логово матки.

— Матки?

— Крысиной матки. D-класс. Пятый уровень. Убьём её — получим еду, шкуры, опыт.

Алекс задумался. D-класс — это уровень 5+. Пятый уровень — в два с лишним раза выше его собственного. В одиночку он не справится. Даже с улучшенными характеристиками — крысы едва не забили его насмерть в первый раз. Матка будет сильнее в разы.

Вдвоём — возможно. Если Шрам не врёт. Если он действительно умеет драться. Если у него нет своих планов — например, использовать Алекса как приманку.

— Почему ты предлагаешь мне это? — спросил Алекс. — Почему не убил сразу?

Шрам усмехнулся. Шрам на лице дёрнулся, сделав улыбку похожей на оскал. Белый глаз блеснул в свете костра — или показалось.

— Потому что ты убил четырёх крыс, — сказал он. — Я видел. Я следил за тобой с того момента, как ты вошёл в техническую зону. Ты новичок, но ты не трус. Такие мне нужны.

Алекс посмотрел на свои руки. Кровь крыс въелась под ногти, засохла в трещинах кожи. Чёрная, густая, почти смола.

— Когда идём? — спросил он.

— Утром, — сказал Шрам. — Сейчас надо отдыхать. Матка активна ночью — это её время. Днём она спит. Утром у неё реакция хуже, чем вечером.

— Откуда ты знаешь?

— Наблюдал. Три недели. Каждый день ходил к решётке, смотрел, слушал.

Шрам достал из-за пазухи кусок чёрствого хлеба — или того, что было похоже на хлеб. Разломил пополам, протянул половину Алексу.

— Ешь, — сказал он. — Завтра нужны силы.

Алекс взял хлеб. Понюхал. Пахло плесенью и пылью. Надкусил — твёрдый, почти каменный, но съедобный. Жевать пришлось долго, размачивая слюной.

— Спасибо, — сказал он.

— Не благодари, — Шрам откусил от своей половины, зажевал. — Выживем — расквитаемся.

Они сидели у костра, ели чёрствый хлеб, смотрели на огонь. Молчали. Молчание было тяжёлым, но не враждебным. Просто у каждого были свои мысли, которые не хотелось произносить вслух.

Алекс думал о системе. Об опыте. Об уровнях. О том, что Шрам — первый человек, которого он встретил в Воронке. И, возможно, не последний.

Шрам думал о своём. О том, что он видел в туннелях. О матке, которая убила его старый отряд. О мести. О выживании.

— Спи, — сказал Шрам, доев хлеб. — Я посторожу.

— Ты уверен?

— Если бы хотел убить — убил бы, когда ты спал в прошлый раз.

Алекс кивнул. Это была логика, с которой не поспоришь.

Он лёг на бетонный пол, подложив под голову рюкзак. Закрыв глаза. Костёр потрескивал, тепло расходилось по телу, расслабляя мышцы.

Сон пришёл быстро. И на этот раз — без сновидений. Без Воронки. Без чёрного шара. Просто — тьма, тишина и отсутствие мыслей.

Часть четвёртая. Логово

11

Он проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Грубая рука сжала мышцу, встряхнула раз, другой. Рука Алекса дёрнулась к ножу, но голос Шрама остановил:

— Тихо. Тихо. Это я.

Алекс открыл глаза. Костёр почти догорел — тлеющие угли давали багровый свет, который едва освещал пространство в радиусе двух-трёх метров. Шрам сидел рядом, держа тесак наготове — не для атаки, а для обороны. Его единственный глаз смотрел куда-то в темноту, за пределы света.

— Вставай, — сказал он, не поворачивая головы. — Время.

— Который час?

— В Воронке нет часов. Есть только свет и тьма. Сейчас — тьма. Значит, время охоты.

Алекс сел. Голова гудела — сказывалось сотрясение и сон на бетоне. Затекли шея, плечи, поясница. Он потёр лицо, зевнул, почувствовал, как хрустнули челюсти.

Интерфейс показал:

[Время с момента активации: 21 час 04 минуты]

[Состояние: усталость, лёгкое сотрясение]

[ОЗ: 60/60]

[ОВ: 30/30]

[Гидратация: 54%]

Он был в полной форме. Насколько это возможно в его положении. Шестьдесят здоровья, полная выносливость, половинная гидратация — нужно будет пить после боя.

— Какой план? — спросил Алекс.

Шрам пододвинулся ближе, заговорил шёпотом — тихо, почти беззвучно, так, чтобы звук не разносился по залу:

— Туннель за решёткой ведёт в гнездо. Там — крысы. Много. Мелкие, средние, крупные. Но матка — в конце, в большой пещере. Она большая — в три человеческих роста. Не быстрая, но сильная. Один удар — и ты труп.

— Как мы её убьём?

— Я отвлекаю. Ты бьёшь в слабое место.

— В какое?

Шрам показал на свою шею, под кадык. Там, где сонная артерия подходит к поверхности.

— Здесь. Под челюстью. Шкура тонкая, сразу в мозг. Удар ножом — и она сдохнет за секунду.

Алекс кивнул. Вспомнил уроки анатомии — университетский курс, другую жизнь, другого себя. В шее проходят сонные артерии, трахея, позвоночник. Удар в это место — если достаточно глубоко — убьёт почти любое существо. Кровотечение остановить невозможно, дыхание прекращается, мозг отключается от кислорода.

— Оружие, — сказал Шрам. — Твоя арматура слишком тупая. Возьми это.

Он протянул Алексу другой нож — длинный, с широким лезвием, похожий на маленькое мачете. Лезвие было заточено до бритвенной остроты — Алекс провёл пальцем, и на подушечке выступила кровь. Рукоять — обмотана кожей, потной, тёплой от руки Шрама.

Интерфейс оценил:

...

[Предмет: охотничий нож (самодельный)]

[Урон: средний-высокий]

[Особенность: хорош для колющих ударов]

...

Алекс взял нож. Взвесил в руке. Тяжёлый — граммов четыреста-пятьсот, сбалансированный так, что центр тяжести приходился на рукоять. Металл — не ржавый, ухоженный, точили недавно, может быть, перед самой встречей.

— Спасибо, — сказал он.

— Не благодари, — Шрам усмехнулся. Та же усмешка, тот же оскал. — Если выживем — расквитаемся.

12

Они подошли к вентиляционной решётке. Шрам без труда снял её — болты держались на честном слове, и он просто вырвал решётку из креплений, провернув тесаком в щелях. Металл заскрипел, ржавчина посыпалась на пол.

Туннель за ней был узким — пришлось идти гуськом, согнувшись почти вдвое. Шрам впереди, Алекс за ним. Фонарик — только один, у Алекса. Луч света выхватывал из темноты грязные стены, кости на полу, лужи чёрной воды, которая пахла сероводородом и чем-то сладковатым.

Стены туннеля были не бетонными, а земляными — кто-то или что-то прорыло их в мягком грунте. Следы когтей на стенах — глубокие, параллельные, оставленные много раз, одними и теми же движениями. Туннель расширился и сужался, иногда приходилось пролезать на четвереньках, прижимаясь к холодной, влажной земле.

Запах стоял невыносимый — кислый, гнилостный, с привкусом аммиака и чего-то сладковато-тошнотворного. Алекс дышал через рукав куртки, но это почти не помогало. Глаза слезились, горло першило.

— Сколько ещё? — прошептал он.

— Тихо, — ответил Шрам, не оборачиваясь. — Они слышат.

Они прошли ещё метров двадцать. Туннель расширился — теперь можно было выпрямиться, хотя потолок всё ещё висел над головой, заставляя инстинктивно пригибаться. Стены стали каменными, естественными — не бетон, не земля, а настоящая порода, чёрная, блестя-

щая, как обсидиан. В свете фонарика камень переливался тёмно-фиолетовым, как будто в нём были вкрапления какого-то минерала.

— Пещера, — сказал Алекс.

— Гнездо, — поправил Шрам.

Они остановились перед поворотом. Шрам поднял руку — стой.

Алекс замер. Затаил дыхание.

Шрам показал на ухо — слушай.

Алекс прислушался.

Из-за поворота доносился звук. Низкий, пульсирующий, похожий на сердцебиение гигантского животного — ритмичный, мощный, заполняющий всё пространство. И на фоне — множество тонких, быстрых шорохов, скрежет когтей по камню, писк — высокий, многоголосый.

Стая. Десятки крыс.

— Прямо за углом, — одними губами сказал Шрам. — Матка и десяток крыс. Может, больше.

— Что делаем?

Шрам достал из-за пазухи свёрток — тряпичный, пропитанный маслом, перевязанный бечёвкой. Жирный, скользкий, пахнувший керосином или чем-то подобным. Поджёг от зажигалки Алекса — пламя вспыхнуло ярко, жёлто-оранжево.

— Крысы боятся огня, — сказал он. — Не убегут, но замешкаются.

Он швырнул горящий свёрток за угол. Свет вспыхнул, осветил пещеру. Алекс выглянул.

Пещера была огромной — метров двадцать в поперечнике, с высоким, уходящим вверх сводом, теряющимся в темноте. Сталактиты свисали с потолка, толстые, каменные, похожие на окаменевшие пальцы. Пол был устлан костями — крысиными, человеческими, неизвестно чьими. Черепа, рёбра, позвонки — всё перемешано, утопано в грязь.

И в центре, на возвышении из обломков и костей, лежало нечто.

Матка.

13

Она была огромной — метра три в длину, с большим, раздутым брюхом, которое волочилось по земле, оставляя мокрый след. Шкура — серая, почти чёрная, без шерсти, покрытая

наростами, шрамами и какими-то пульсирующими венами. Брюхо перекатывалось — внутри шевелились десятки живых существ, готовых вырваться наружу.

Голова — маленькая, почти незаметная на фоне туши, с крошечными слепыми глазами, впятинами вместо ушей и огромной пастью, полной длинных, игольчатых зубов. Из пасти капала слюна — чёрная, густая, пахнущая гнилью.

Вокруг матки сустились крысы — десятка два, мелкие и покрупнее. Одни кормились, другие спали, третьи просто сидели, уставившись в пространство мутными глазами. Они замерли, когда в пещеру упал горящий свёрток. Зашипели, отпрянули от света.

— Сейчас! — крикнул Шрам и бросился вперёд.

14

Бой начался мгновенно.

Шрам ворвался в пещеру с тесаком наготове — лезвие описало дугу, и первая крыса разлетелась пополам. Кровь брызнула на стены, на кости, на его лицо. Крыса даже не взвизгнула — умерла мгновенно, рассечённая от позвоночника до грудины.

Алекс последовал за ним, держа охотничий нож лезвием вперёд. Оружие оказалось удобнее арматуры — тяжелее, но острее, и им можно было не только колоть, но и резать. Рукоять лежала в ладони как влитая, пальцы сжимали её с такой силой, что побелели костяшки.

Первая крыса бросилась на него — Алекс рубанул, целя в шею. Лезвие вошло в плоть как в масло — без хруста, без усилия. Голова отделилась от тела, покатилась по полу, оставляя кровавый след. Тело дёрнулось, пробежало ещё пару шагов и рухнуло.

...

[Урон: 14]

[Противник повержен]

[Опыт: +20]

...

— Четырнадцать! — выдохнул Алекс. Нож давал огромный бонус к урону. Или его собственная сила, усиленная двумя очками, начинала работать как надо.

Вторая крыса прыгнула со спины. Алекс услышал шорох за секунду до атаки — развернулся, поймал крысу на нож. Лезвие вошло в живот, вышло из спины. Крыса забилась, заверещала, вцепилась когтями в его руку — но быстро затихла, обескровленная.

...

[Урон: 12]

[Опыт: +20]

...

— Легко! — крикнул Шрам. — Они слабые, без матки — никто!

Он рубил крыс как капусту — одного за другим. Его тесак не был таким острым, как нож Алекса, но Шрам компенсировал это силой и опытом. Каждый удар — точно, расчётливо, без лишних движений. Лезвие входило в суставы, ломало кости, отсекало лапы и головы.

Алекс попытался считать убитых, но сбился после пятой. Крысы лезли со всех сторон, но без матки они были хаотичными, нескоординированными. Каждый дрался сам за себя — и каждый умирал сам за себя.

Пещера превратилась в кровавую баню. Кости хрустели под ногами, кровь смешивалась с грязью, создавая месиво, в котором скользили ботинки. Воздух наполнился металлическим запахом — запахом смерти, который Алекс узнавал теперь слишком хорошо.

И вдруг — тишина. Крысы расступились. Сбежались к матке, замерли у её тела, готовые защищать.

Матка шевельнулась.

15

Она поднялась на коротких, толстых лапах — медленно, тяжело, как будто каждое движение давалось ей с трудом. Брюхо волочилось по земле, оставляя глубокую борозду в костях и грязи. Голова повернулась в сторону Алекса — слепые глаза, казалось, смотрели прямо на него.

Матка открыла пасть. И заверещала.

Звук был ужасным — высоким, пронзительным, как сигнал пожарной сирены, но многократно усиленный. Он заполнил пещеру, ударил в стены, вернулся эхом, ударил снова. Алекс зажал уши руками, но звук всё равно проникал в голову, разрывал барабанные перепонки, заставлял кровь стучать в висках с бешеной силой.

[Акустическая атака]

[ОЗ: -5]

— В сторону! — закричал Шрам, но его голос почти не был слышен за верещанием матки. — Уходи с линии атаки!

Алекс откатился в сторону, прижался к стене пещеры. Камень был холодным, шершавым, но давал ощущение опоры. Он зажал уши локтями, приоткрыл рот, чтобы компенсировать давление.

Матка снова заверещала — на этот раз короче, отрывистее. Вокруг неё собрались оставшиеся крысы — семь или восемь штук, самые крупные, с тёмной, почти чёрной шерстью и длинными, окровавленными клыками.

— Бей в шею! — крикнул Шрам. — Я отвлекаю!

Он бросился вперёд, размахивая тесаком. Крысы кинулись на него, но он отбивался — крушил, отбрасывал, пробивался к матке. Тесак рубил лапы, отсекал головы, ломал позвончики. Шрам двигался как машина — без остановки, без сомнений, без страха.

Матка смотрела на него слепыми глазами, медленно поворачиваясь всем телом. Она не могла быстро двигаться — огромное брюхо мешало, тянуло к земле, делало каждый поворот мучительным.

Алекс поднялся. Вытер кровь с лица — капало из ушей, из носа, из уголка рта. Интерфейс показывал 48 ОЗ из 60.

Он обогнул стаю по широкой дуге, стараясь не наступать на кости и трупы. Зашёл матке за спину — туда, где её слепые глаза не могли его видеть. Туда, где брюхо было самым уязвимым.

Она была огромной. Брюхо пульсировало, перекачивалось, как будто внутри были десятки живых существ, готовых вырваться наружу. Кожа на брюхе была тонкой, почти прозрачной — сквозь неё виднелись тёмные силуэты детёнышей.

Голова — маленькая, почти незаметная на фоне туши. Шея — короткая, толстая, но уязвимая. Там, где череп соединялся с позвоночником, шкура была тоньше, а мышцы — слабее.

— Сейчас, — прошептал Алекс.

Он разбежался и прыгнул.

16

Он приземлился на спину матки — в мягкую, податливую плоть, которая прогнулась под его весом. Брюхо вздрогнуло, внутри зашевелились детёныши. Алекс едва удержался на ногах — скользкая кожа, покрытая слизью, не давала опоры.

Он взмахнул ножом и ударил в основание черепа.

Лезвие вошло на всю длину — пробило кожу, мышцы, пробились между позвонков. Нож заскрежетал о кость — позвонки разошлись, освобождая путь к спинному мозгу.

Матка взревела — не завизжала, а именно взревела, низко, басовито, как разъярённый бык. Она дёрнулась, попыталась сбросить Алекса, но он вцепился в её шкуру свободной рукой, всадил нож глубже, провернул.

...

[Урон: 24 (критическое попадание)]

[Матка: -24 ОЗ]

[ОЗ матки: 126/150]

...

Двадцать четыре очка. Хорошо. Но мало — у матки было 150 здоровья. Нужно было бить ещё. И быстро — пока она не сбросила его или пока крысы не пришли на помощь.

Алекс выдернул нож — из раны хлынула тёмная, почти чёрная кровь, густая, как смола. Ударил снова — в то же место, чуть глубже, чуть левее, туда, где должна проходить позвоночная артерия.

...

[Урон: 26 (крит)]

[Матка: -26 ОЗ (100/150)]

...

Матка зашаталась. Её лапы подогнулись, брюхо коснулось земли. Крысы вокруг запаниковали — бросили Шрама, кинулись спасать матку. Но было поздно.

Алекс ударил в третий раз. И в четвёртый. Нож входил в плоть как в масло — с каждым ударом всё глубже, всё легче. Кровь заливала его руки, лицо, одежду. Пещера наполнилась запахом железа и смерти.

...

[Урон: 22]

[ОЗ: 78/150]

[Урон: 28 (крит)]

[ОЗ: 50/150]

...

Матка затихла. Дышала тяжело, хрипло — каждый вздох давался ей с трудом, как будто лёгкие были залиты кровью. Брюхо перестало пульсировать — детёныши внутри замерли, чувствуя смерть матери.

Кровь текла из матки ручьями — чёрная, густая, она растекалась по полу, смешиваясь с грязью и костями. Крысы, которые ещё оставались в живых, бросились врассыпную — в туннели, в щели, в темноту.

— Добей! — крикнул Шрам.

Алекс поднял нож над головой. Руки дрожали — не от страха, от усталости. Лезвие блеснуло в свете догорающего факела.

Он с силой воткнул нож в затылок матки.

Лезвие прошло через череп, пробило мозг, вышло через глазницу. Глаз лопнул, из пустой орбиты вытекла чёрная жидкость. Матка дёрнулась — последний раз — и замерла.

...

[Урон: 30 (фатальный)]

[Матка повержена]

[Опыт: +150]

...

Пещера взорвалась светом — интерфейс вспыхнул зелёным, залил всё поле зрения. Алекс зажмурился, но свет прошёл сквозь веки.

...

[Уровень повышен: 1 → 2]
[Очков характеристик: +3]
[Опыт до следующего уровня: 90/150]

...

Алекс сполз с туши матки, упал на колени в лужу крови. Нож выпал из пальцев. Руки дрожали — крупная, неконтролируемая дрожь, которая сотрясала всё тело. Он смотрел на свои ладони — они были красными, мокрыми, липкими.

Шрам подошёл к нему, положил руку на плечо. Его тесак был в крови по самую рукоять.

— Ты сделал это, — сказал он. — Ты убил матку. Ты — охотник.

Алекс поднял голову. Посмотрел на интерфейс.

...

[Уровень: 2]
[Ранг: Спёкшийся]

...

Всё ещё Спёкшийся. Всё ещё ноль.

Но он убил D-класс. Пятый уровень. В одиночку — если не считать Шрама, который отвлекал крыс. Или не в одиночку.

— Это только начало, — сказал он.

Шрам усмехнулся. Взял нож, вытер его о шкуру матки, протянул Алексу. Лезвие было чистым — не потому, что Шрам хорошо вытер, а потому что кровь матки странно быстро засохла и отпала.

— Держи. Ты заслужил.

Алекс взял нож. Лезвие было холодным, но в руке быстро нагрелось.

— Что дальше? — спросил он.

— Дальше, — сказал Шрам, оглядывая пещеру, трупы крыс, тушу матки. — Мы будем строить клан.

Алекс не знал тогда, что это слово изменит всё. Управление кланом — одна из характеристик интеллекта. Одна из ключевых механик системы. Одна из причин, по которой Воронка вообще существует.

Он просто кивнул.

— Хорошо. Строим.

Они вышли из пещеры, оставляя за спиной тушу матки и десятки мёртвых крыс. Факел догорел — последнее пламя лизнуло каменный свод и погасло.

Глава закончилась. Впереди была Воронка — и новая жизнь.

ИТОГОВАЯ СТАТИСТИКА АЛЕКСА (КОНЕЦ ГЛАВЫ 2)

Уровень: 2

Ранг: Спёкшийся

СИЛ: 4 | ЛВК: 3 | ВНС: 3 | ИНТ: 5 | ВСП: 3

ОЗ: 60 | ОВ: 30

Опыт: 90/150 до уровня 3

Навыки: нет (Оценка откроется на ур.3)

Оружие: охотничий нож (средний-высокий урон)

КЛЮЧЕВЫЕ СОБЫТИЯ ГЛАВЫ 2 (РАСШИРЕННАЯ ВЕРСИЯ)

Событие Результат

Отступление от Нулевого объекта Радиус смертельной зоны: 50 метров

Убийство 4 крыс (Е-класс, ур.1-2) 80 опыта, уровень 1

Распределение характеристик СИЛ 2→4, ВНС 2→3, ОЗ 40→60

Встреча со Шрамом Первый союзник, информация о матке

Путь в логово Изучение туннелей, подготовка к бою

Бой с крысами в пещере 6-8 крыс, опыт 120-160

Бой с маткой (D-класс, ур.5, ОЗ 150) 150 опыта, уровень 2

Получение охотничьего ножа Урон средний-высокий

Формулировка цели «Строить клан»

ВАЖНЫЕ ДЕТАЛИ, ВВЕДЁННЫЕ В ГЛАВЕ 2

1. Система гидратации — интерфейс отслеживает уровень воды в организме (54% к концу главы).
2. Акустическая атака матки — звук наносит урон (5 ОЗ за крик).
3. Е-класс противников — крысы дают по 20 опыта.
4. D-класс противников — матка дала 150 опыта за убийство.
5. Пороги опыта — 100 опыта для уровня 1, 150 для уровня 2.
6. Восстановление ОЗ — 0.5 очка в час при кровотечении.
7. Восстановление ОВ — еда даёт +5 к восстановлению.

8. Урон оружия — самодельный нож даёт урон 12-14 против 6-8 у арматуры.
9. Повышение уровня — 3 очка характеристик за уровень.
10. Ранговая система — Спёкшийся остаётся до уровня 3-5.

ГЛАВА 3. ОЦЕНКА

Часть первая. Раздел добычи

1

Тишина в основном зале казалась почти живой — она давила на уши после визга матки и хруста крысиных костей. Алекс стоял у бетонной плиты, сжимая в руке окровавленный нож, и смотрел на тушу матки, которую они со Шрамом кое-как вытащили из туннеля. Это заняло почти полчаса. Туша была тяжёлой — килограммов двести, не меньше, — и они перекатывали её, как бревно, упираясь ногами в скользкий от крови пол.

Шрам сидел на обломке колонны, тяжело дыша. Его тесак лежал на коленях — лезвие покрылось тёмными разводами, рукоять потемнела от пота и крови. Он смотрел на матку без радости, без гордости — с усталым удовлетворением человека, который сделал тяжёлую работу и теперь хочет только одного: отдохнуть.

— Разделявать будем здесь, — сказал он, кивнув на бетонную плиту. — Света достаточно, пол ровный, вода есть в техничке.

Алекс опустился на корточки рядом с тушей. Запах был сильным — кислым, металлическим, с нотками чего-то гниlostного, но уже привычным. Он прикоснулся рукой к шкуре матки. Она была грубой, как наждачная бумага, покрытой мелкими чешуйками и наростами, похожими на старые мозоли.

Интерфейс отреагировал на прикосновение:

...

[Туша: крысиная матка (D-класс, уровень 5)]

[Состояние: свежая (убита <1 часа назад)]

[Доступные материалы: шкура (грубая), жир (топливный), зубы (6 шт.), мясо (несъедобное для людей)]

[Инструменты: требуются острый нож, ёмкость для жира]

...

— Мясо несъедобное, — прочитал Алекс вслух. — Жаль.

— Крысиное мясо никогда не было съедобным, — ответил Шрам, сплёвывая на пол. — Даже для голодного. Тошнота, рвота, потом диарея и обезвоживание. День — и ты труп. Не экономь на еде, парень. Лучше голодать два дня, чем сожрать эту дрянь.

Алекс кивнул. Он достал охотничий нож, который дал ему Шрам, и повертел в руке. Лезвие было острым — он проверил на волоске на руке, и волосок срезался без звука. Но для разделки такой туши нужен был другой инструмент — что-то большее, с толстым обухом и широким лезвием.

— Ножом не получится, — сказал он. — Затупится о кожу через пару разрезов.

Шрам усмехнулся — криво, одной стороной рта, так что шрам на его лице дёрнулся и стал похож на вторую улыбку.

— Не ножом, — сказал он. — Смотри.

Он поднялся, подошёл к туше, встал на неё ногой, придавив брюхо. Достал тесак — длинный, тяжёлый, с лезвием, похожим на маленький топор. Размахнулся и ударил вдоль хребта, от шеи до середины спины.

Тесак вошёл в кожу с противным хрустом — лопнули чешуйки, треснули наросты, из-под лезвия брызнула тёмная, густая жидкость. Шрам провёл тесаком ещё раз, углубляя разрез, потом ещё — до тех пор, пока не обнажился позвоночник, белый и маслянистый в багровом свете догорающего костра.

— Видишь? — сказал он, показывая пальцем. — Позвонки — вот где главное. Жир скапливается между ними, в подкожной клетчатке. Его и берём. Шкура — потом, если останется время.

2

Следующие два часа Алекс учился разделывать тушу.

Шрам был терпеливым учителем — или просто привык, что новички ничего не умеют. Он показывал каждое движение медленно, комментируя, почему нож идёт под таким углом, почему нельзя резать поперёк волокон, почему жир нужно снимать вместе с тонким слоем соединительной ткани — иначе он теряет топливные свойства.

— Жир матки — лучшее топливо в Воронке, — говорил Шрам, выскребая жёлтые хлопья из-под кожи и складывая их в ржавую банку, которую нашёл в комнате с инструментами. — Горит долго, дымит умеренно, запах слабый. Крысы его боятся — не потому, что он жжёный, а потому что он пахнет маткой. Для них это запах смерти.

Алекс работал молча, стараясь запомнить каждое движение. Руки быстро уставали — разделка туши требовала силы, которой у него было не так много. Даже с улучшенной до 4 Силой он чувствовал, как дрожат мышцы предплечий после каждого глубокого разреза.

Интерфейс фиксировал прогресс:

...

[Навык: разделка (скрытый) — прогресс 23%]

[Добыто жира: 1.2 кг (топливная ценность: 8 часов горения)]

[Добыто кожи: 2.3 кв. м (грубая, требует выделки)]

[Добыто зубов: 6 шт. (качество: низкое, можно использовать для наконечников)]

...

— Восемь часов горения, — сказал Алекс, когда Шрам замер, чтобы перевести дух. — Это много?

— Это очень много, — ответил Шрам, вытирая тесак о тряпку. — Для сравнения: мои тряпичные факелы горят по двадцать-тридцать минут. С этим жиром мы можем освещать зал неделю. Или сделать ловушки с огнём. Или факелы для дальних вылазок.

Он помолчал, глядя на тушу, которую они почти полностью ободрали. Мясо — серое, с синеватым отливом — оставалось на костях, и Алекс заметил, что оно странно мерцает в темноте, как будто в нём были светящиеся вкрапления.

— Что это? — спросил он, указывая на мерцание.

Шрам нахмурился. Подошёл ближе, прищурился. Потрогал мясо кончиком тесака — и отдёргнул, когда из разреза вырвался маленький сноп искр.

— Чёрт, — сказал он негромко. — Биолюминесценция. Значит, матка питалась не только крысами.

— Чем же?

— Радиацией. Или тем, что излучает Нулевой объект. В некоторых зонах Воронки есть живые организмы, которые светятся в темноте. Их мясо ядовито втрое. Не приближайся к таким.

Интерфейс подтвердил:

...

[Предупреждение: мясо содержит неизвестные токсины]

[Контакт с открытыми ранами опасен]

...

Алекс отступил на шаг. Он посмотрел на свои руки — они были в крови матки, чёрной и липкой. На тыльных сторонах ладоней было несколько царапин — от крысиных когтей, от острых краёв арматуры. Если токсины проникнут через них...

— Промой, — сказал Шрам, протягивая флягу с водой. — Быстро. И обработай тем, что в аптечке.

Алекс взял флягу, полил на руки. Вода была холодной, почти ледяной — он вздрогнул, но продолжал тереть ладони, смывая чёрную кровь. Интерфейс показывал уровень гидратации: 48% — упало за время боя. Он сделал несколько глотков из фляги — до 54%.

Аптечка лежала на бетонной плите, раскрытая. Алекс достал антисептик — оставалось на дне, с палец высотой — и смочил им бинт. Протёр руки, уделяя особое внимание царапинам. Антисептик защищал, кожа покраснела, но интерфейс сообщил:

...

[Риск заражения: минимальный]

...

— Живучий, — сказал Шрам, наблюдая за ним. — Многие на твоём месте уже потеряли бы руку. Или голову.

— Я просто делаю то, что нужно, — ответил Алекс, заклеивая царапины пластырем.

— Это и есть живучесть, — усмехнулся Шрам. — Не героизм. Не удача. Умение делать нужное, даже когда страшно, когда больно, когда хочется лечь и закрыть глаза.

Он отвернулся к туше, продолжая вырезать жир из-под рёбер. Алекс смотрел на его спину — сгорбленную, покрытую лохмотьями, с выступающими позвонками. Шрам был худым до истощения — не потому, что голодал, а потому что его тело давно перестало накапливать резервы. Каждый день в Воронке сжигал больше калорий, чем он мог съесть.

— Сколько ты здесь? — спросил Алекс.

Шрам замер. Не обернулся.

— Не считал, — сказал он глухо. — Система не показывает дни. Только часы с момента активации. У меня сейчас... — он замолк, видимо глядя на свой интерфейс. — Около трёхсот часов. Но это не точно. Я был без сознания после падения. Могло пройти больше.

— Триста часов — это двенадцать с половиной дней.

— Ты хорошо считаешь. Интеллект высокий?

— Пять.

— Достойно, — Шрам кивнул. — У меня четыре. Когда-то было пять, но... Воронка съедает интеллект. Или я сам себя съедаю, не знаю.

Он вырезал последний кусок жира, бросил его в банку. Банка была почти полной — жёлтое содержимое поблёскивало в свете костра, напоминая растопленное масло.

— Всё, — сказал Шрам. — Шкуру заберём позже, когда высохнет. Сейчас она слишком сырая, сгниёт, если свернуть. Оставим здесь, на плите.

Он вытер руки о штаны, подошёл к костру, сел. Алекс сел напротив.

Молчание затянулось.

3

— Ты говорил про клан, — нарушил тишину Алекс. — Что это значит?

Шрам долго смотрел на огонь, прежде чем ответить. Пламя отражалось в его единственном глазу, делая его красным, как у крысы.

— Система поощряет группы, — сказал он наконец. — Опыт делится, но не пополам, а с бонусом. Если вдвоём убить врага, каждый получит не половину, а семьдесят процентов от полной стоимости. Итого — сто сорок процентов опыта из воздуха. Это называется «клановый бонус».

Алекс нахмурился. Он не видел этого в интерфейсе — ни в описании характеристик, ни в подсказках.

— Почему я этого не знаю?

— Потому что ты один. Клановые механики активируются, когда в группе минимум два человека с подтверждённым союзом. А подтвердить союз можно либо через навык «Управление кланом», либо через ритуал.

— Какой ритуал?

— Разделить еду и воду в течение часа после совместной победы, — Шрам кивнул на тушу матки. — Мы уже сделали это. Считай, что мы в неформальном союзе. Но бонусов пока нет — нужен навык.

— У тебя есть «Управление кланом»?

— Нет. Он требует Интеллекта 7. У меня только 4. Но у тебя — 5. Если ты повысишь Интеллект до 7, сможешь создать клан. И тогда...

Он замолк. Достал из-за пазухи кусок сухаря — последний, разломил пополам, протянул половину Алексу.

— ...тогда мы сможем претендовать на территорию.

— Территорию?

— Воронка поделена на зоны влияния. Не официально, но системой. У каждой зоны есть «хозяин» — самый сильный клан или существо. Если убить хозяина, зона становится свободной. Её можно занять. А когда занимаешь зону — получаешь ресурсы, информацию, иногда — доступ к новым локациям.

Алекс взял сухарь, но не стал есть. Смотрел на него, на Шрама, на огонь.

— Ты хочешь, чтобы я стал лидером клана?

— Я хочу выжить, — ответил Шрам. — А для этого нужно не быть одному. Один человек в Воронке — это мясо. Двое — это уже сила. Трое — это угроза. Пятеро — это хозяева.

Он помолчал, потом добавил:

— Я видел кланы. Большие, по двадцать человек. Они живут на верхних уровнях, где есть свет, вода, еда. Они не спускаются вниз, потому что здесь слишком опасно. Но и мы не можем подняться вверх без их разрешения.

— Почему?

— Потому что лестницы охраняются. Те, кто наверху, не хотят, чтобы снизу приходили конкуренты. Они сбрасывают вниз только тех, кто им неугоден. Или тех, кто проиграл в клановых войнах.

Шрам показал на свой шрам — тот самый, через всё лицо.

— Это — метка. Я был изгнан. Мой клан проиграл битву за центральный сектор. Те, кто выжил, получили шрамы на лицо и были сброшены вниз, в технические зоны. Я потерял глаз, своих людей, своё имя. С тех пор я — Шрам.

Алекс молчал. Он не знал, что сказать. Слова казались пустыми — «мне жаль», «сочувствую» — они ничего не значили для человека, который потерял всё и жил в крысином логове, питаясь сухарями и крысиным жиром.

— Я помогу тебе, — сказал он наконец. — Но не из жалости. Из интереса.

Шрам усмехнулся. На этот раз его улыбка была почти нормальной — не оскал, не гримаса, а настоящая, человеческая улыбка, которую искажал только шрам.

— Честно. Это хорошо. Я устал от лжи.

Они доели сухари, запили водой из фляги Алекса. Интерфейс обновил показатели:

...

[Приём пищи: +5 к восстановлению ОВ]

[ОВ: 35/40]

[Гидратация: 61%]

...

Алекс лёг на спину, глядя в потолок. Там, в темноте, ничего не было — только бетон, старые трещины и многолетняя пыль. Но он смотрел туда, потому что смотреть больше было некуда.

— Завтра мы идём искать третьего, — сказал он. — Ты знаешь, где его найти?

— Знаю, — ответил Шрам. — В комнате с мониторами. Я видел там следы. Человек. Один. Живой.

Алекс закрыл глаза. Сон пришёл быстро — усталость взяла своё. Но перед тем, как провалиться в темноту, он успел подумать: «Комната с мониторами. Что я там увижу? Карту? Выход? Следующую смерть?»

Вопрос остался без ответа.

Часть вторая. Договор

4

Утро в Воронке нельзя было назвать утром. Света не было — только та же плотная, давящая тьма, что и вчера, и позавчера, и всегда. Но организм Алекса знал, что прошло несколько часов, потому что интерфейс показывал:

[Время сна: 6 часов 12 минут]

[Состояние: отдых неполный, требуется ещё 2-3 часа для полного восстановления]

[ОЗ: 80/80]

[ОВ: 40/40]

Восемьдесят здоровья. Сорок выносливости. Уровень 3.

Алекс сел, потёр лицо, зевнул. Шрам уже не спал — он сидел у догоревшего костра, ворошил угли палкой, пытаясь высечь искру для нового огня. Рядом с ним лежал тесак и кусок шкуры матки — он вырезал из неё что-то похожее на наручи.

— Проснулся, — сказал он, не оборачиваясь. — Хорошо. Есть время до «завтрака».

— Какого завтрака?

— Крысы активны ночью. Днём — то есть в период относительной тишины — они спят или прячутся. Сейчас мы в начале этого периода. У нас есть около шести часов, чтобы подготовиться к походу.

Алекс встал, потянулся. Позвоночник хрустнул — от сна на бетоне болела поясница и шея. Он подошёл к костру, присел на корточки.

— Что нужно сделать?

Шрам перечислил, загибая пальцы:

— Первое — доделать оружие. Твоё копьё — хрень. Нож на арматуре болтается. Нужно закрепить проволокой и тряпками, чтобы не шаталось. Второе — сделать факелы из жира. Два-три на каждого. Третье — разведать путь к комнате с мониторами. Я знаю дорогу, но она может измениться — обвалы, новые норы, крысиные гнёзда.

— Четвёртое?

— Четвёртое — поговорить, — Шрам повернулся к Алексу. Его единственный глаз смотрел серьёзно. — Договориться о правилах. Как делим добычу. Кто принимает решения в бою. Что делаем, если один из нас ранен.

Алекс кивнул. Это было разумно.

— Давай. Твои правила?

Шрам помолчал, собираясь с мыслями. Потом заговорил — медленно, чётко, как человек, который много раз объяснял это другим и каждый раз надеялся, что на этот раз его поймут.

— Добыча поровну. Всегда. Даже если один из нас убил врага, а второй только стоял и смотрел. Поровну. Иначе появляется зависть, а зависть убивает кланы.

Алекс кивнул. Справедливо.

— В бою командует тот, кто видит лучше. Сейчас это я — у меня опыт. Но когда ты освоишься, будем меняться. Или принимать решения вместе, если есть время.

— Согласен.

— Если один ранен — второй не бросает. Даже если это значит рискнуть собой. Потому что сегодня ты спасаешь меня, завтра — я спасаю тебя. Это не альтруизм, это стратегия. Один выживший — мёртвый выживший.

Алекс посмотрел на Шрама. В его словах была жестокая логика, которую не оспорить. Воронка не прощала одиночек.

— И последнее, — Шрам понизил голос, почти до шёпота. — Мы не называем имён на территории врага. Имена — это сила. Некоторые существа могут использовать твоё имя против тебя. Не спрашивай как — просто знай.

— Как тогда обращаться?

— «Первый», «Второй». Или просто «ты». Работает.

Алекс хмыкнул. Это звучало параноидально, но он не мог позволить себе игнорировать предупреждения человека, который выжил в Воронке дольше него.

— Хорошо. Я согласен.

Они пожали руки — тёплые, липкие от пота, ещё помнящие вчерашнюю кровь. Интерфейс Алекса мигнул:

...

[Неформальный союз подтверждён]

[Союзник: Шрам (уровень 4, класс выживший)]

[Клановый бонус: не активен (требуется навык «Управление кланом»)]

...

— Теперь к делу, — сказал Шрам, поднимаясь. — Покажи своё копьё.

Алекс протянул Шраму арматуру с примотанным ножом. Та отреагировала мгновенно — откинула копьё обратно, как будто оно было заражённым.

— Хрень, — повторил он, разглядывая конструкцию. — Нож сидит на трёх витках проволоки. Один удар — и он слетит. Держи.

Он достал из-за пояса моток тонкой, но прочной верёвки — не синтетической, а из натуральных волокон, скрученных вручную. Верёвка пахла кровью и чем-то растительным.

— Крысиные жилы, — пояснил Шрам. — Высушил, сплёл. Прочнее любой проволоки. Давай сюда.

Он перемотал соединение ножа и арматуры жилами, накладывая виток за витком, с усилием, так что побелели пальцы. Каждый виток он проверял на прочность, дёргая за конец верёвки. Потом завязал сложный узел, похожий на морской, и обрезал лишнее ножом.

— Держи, — он вернул копьё Алексу. — Теперь оно не сломается.

Алекс взял оружие, повертел в руках. Копьё стало тяжелее — жилы добавили веса. Но баланс почти не изменился. Он сделал несколько выпадов в воздух, представляя перед собой крысу. Рукоять лежала в ладони удобно, наконечник не болтался.

Интерфейс обновил описание:

...

[Импровизированное копьё (улучшенное)]

[Урон: высокий]

[Дальность: 1.8 м]

[ОВ на атаку: 3]

[Прочность: 80% (требуется ремонт после 20-25 ударов)]

...

— Прочность? — спросил Алекс вслух.

— Оружие изнашивается, — ответил Шрам. — Особенно самодельное. После каждого боя проверяй. Если прочность упала ниже 30%, оружие может сломаться в бою. А это — смерть.

Он показал свой тесак. Лезвие было в зазубринах, но металл — толстый, кованый, явно не из подручных материалов.

— Это я нашёл в технической зоне, в ящике с инструментами. Оружейный склад. Там были и другие вещи, но они сгнили или проржавели. Тесак я чистил и точил три дня.

— Три дня — это много.

— А ты думал, выживание — это только драки и охота? Нет. Выживание — это девяносто процентов скучной работы и десять процентов ужаса. Чистить оружие, ремонтировать

одежду, искать воду, копить жир, проверять ловушки. Каждый день одно и то же. Монотонно. Утомительно. Но если пропустишь хотя бы один день — начнёшь проигрывать.

Алекс слушал и понимал, что это правда. Воронка была не игрой в том смысле, в каком он привык думать об играх. Здесь не было миссий, квестов, подсказок. Было только: встал — выживи. Лёг — выживи. Умер — ты проиграл, и никто не начнёт заново.

— Ладно, — сказал он, откладывая копьё. — Что дальше?

— Факелы, — ответил Шрам. — Нам нужен свет в туннелях. Фонарик сядет через пару часов, а без света мы трупы.

6

Они сделали три факела.

Шрам показал, как это делается. Он взял длинные куски арматуры — те, что Алекс нашёл в зале, но не использовал — и обмотал их верхние концы тряпками. Тряпки он оторвал от своей куртки — рваной, грязной, но состоящей из плотной ткани, которая горела медленно и не капала расплавленным пластиком.

— Синтетика горит плохо, — объяснял он, наматывая слой за слоем. — Плавится, капает на руки, оставляет ожоги. Натуральная ткань — лучший вариант. Но её мало. Поэтому мы используем жир.

Он открыл банку с жёлтым содержимым, понюхал, поморщился. Потом зачерпнул горсть, начал втирать в тряпки, пропитывая их насквозь. Жир был твёрдым при комнатной температуре, но от тепла рук размягчался, становился похожим на густое масло.

— Теперь подожжём, — сказал Шрам, доставая зажигалку Алекса.

Щёлкнул колёсиком — искра, вторая, третья. Фитиль загорелся сразу — ярким, жёлтым пламенем, почти без дыма. Факел осветил пространство вокруг — метра на три, не больше, но свет был ровным, не мерцающим, как у костра.

— Держи, — Шрам протянул факел Алексу. — Твой первый. Не урони — жир легко стекает.

Алекс взял факел. Он был горячим — не обжигающим, но тёплым. Огонь пульсировал в такт его дыханию, отбрасывая тени на стены и колонны. Почти живой.

Интерфейс зафиксировал:

[Факел (крысиный жир)]

[Время горения: 2.5 — 3 часа]

[Освещение: 4 метра]

[Особенность: отпугивает крыс (ранг E-F)]

— Отпугивает крыс, — прочитал Алекс. — Это важно.

— Очень, — подтвердил Шрам. — Крысы Е-класса боятся огня. F-класс — тем более. Но те, что с хроно-меткой... — он покачал головой. — Они не боятся почти ничего.

— Хроно-метка?

— Ты видел вчера крыс с серой шерстью и красными глазами? Это хроно-крысы. Их мутировала Воронка — или то, что в её центре. Они быстрее обычных, умнее, и у них есть...

Шрам запнулся, подбирая слово.

— Способности? — подсказал Алекс.

— Не совсем. Свойства. Например, одна из них могла ускорять время вокруг себя. На секунду — но этого хватало, чтобы увернуться от удара.

Алекс вспомнил бой. Одна из крыс действительно двигалась странно — рывками, как видео с пропущенными кадрами. Он думал, что это усталость или галлюцинация. Но если Шрам прав...

— Система даёт врагам способности, — сказал он. — Как игрокам.

— Да. И чем выше уровень, тем опаснее способности. Матка могла кричать — это акустическая атака. У хроно-крыс — временное ускорение. У других существ — что-то ещё.

Шрам закончил второй факел, передал его Алексу. Начал третий — для себя.

— Мы должны быть готовы ко всему, — сказал он. — Поэтому идём в комнату с мониторами. Там есть информация. Карты, записи, может быть — записи системы.

— Какие записи?

— Люди, которые были здесь до нас, оставляли сообщения. На стенах, на мониторах, на бумаге. Я видел одно: «Нулевая Точка не прощает ошибок». И другое: «Не верь интерфейсу на сто процентов».

Алекс замер.

«Нулевая Точка не прощает ошибок». Ему снился этот голос. Металлический, синтезированный, говорящий из пустоты. Или не снился?

— Ты слышал этот голос? — спросил он. — Во сне?

Шрам перестал наматывать тряпки. Посмотрел на Алекса долгим взглядом. Единственный глаз сузился.

— Слышал, — сказал он тихо. — И не только во сне. Иногда — наяву. Когда Воронка начинает пульсировать. Когда Нулевой объект активен.

— Он говорит со мной. Точнее, говорил. Когда я только очнулся.

— Он говорит со всеми, кто достиг первого уровня. Проверяет. Тестирует. Ищет... я не знаю. Сильных? Слабых? Тех, кто может стать чем-то большим?

Шрам замолчал, закончил третий факел, поджёг. Три огня осветили бетонную плиту и остатки туши матки.

— Мы уходим через час, — сказал он. — Подготовься.

Часть третья. Охота на крыс

7

Они вышли через вентиляционную решётку — теперь снятую, открытую, без болтов. Алекс шагал первым с факелом в левой руке и копьём в правой. Шрам — за ним, прикрывая спину, держа тесак наготове.

Туннель был таким же узким, как вчера, но теперь Алекс видел его лучше — факел давал ровный свет, не ослепляющий, но достаточный, чтобы заметить детали. Стены из утрамбованной земли, кое-где укреплённые ржавой сеткой. Пол — влажный, скользкий, с лужами чёрной воды.

— Осторожно, — сказал Шрам из темноты. — Вода может быть глубокой. Не наступай в лужи, если не видишь дна.

— А если нет другого пути?

— Шагай с копьём вперёд. Ощупывай дно. Если копьё уходит глубже, чем на полметра — ищи обход.

Они прошли первый отрезок туннеля без происшествий. Второй — тоже. Третий — Алекс слышал шорох.

Он замер, поднял руку — стой. Шрам замер за его спиной. Тишина. Только капли воды падают где-то вдалеке и потрескивает факел.

Алекс прислушался. Шорох повторился — справа, из небольшого ответвления, которого он не заметил в прошлый раз. Ответвление было низким, почти лазом, уходящим вниз под углом.

— Оценка, — прошептал Алекс, активируя навык.

Интерфейс вспыхнул зелёным, на миг ослепив его. Перед глазами поплыли символы, строки, цифры. Они накладывались на реальность, как слои в редакторе, прорисовывая контуры врагов, даже тех, кого он не видел.

И — вот оно.

Из лаза показалась морда. Серая, с красными глазами. Хроно-крыса. Она замерла, глядя на огонь факела, но не отступая. Зрачки — вертикальные, как у кошки, — сузились в щёлки.

Интерфейс выдал:

...

[Хроно-крыса. Уровень: 2. ОЗ: 30/30]

[Особенности: ускорение (5% шанс уклониться от атаки), стайное существо]

...

— Тридцатое здоровье, — сказал Алекс. — Уровень второй.

— Бей с копья, — ответил Шрам. — Не дай ей прыгнуть.

Алекс поднял копьё, целясь в голову крысы. Та дёрнулась — попыталась уйти в сторону, но не успела. Остриё вошло ей в шею, пробило насквозь, пригвоздило к земляному полу.

...

[Урон: 18 (критическое попадание)]

[Хроно-крыса: -18 ОЗ (12/30)]

...

Крыса заверещала — не так громко, как матка, но достаточно, чтобы эхо разнеслось по туннелю. Она дёрнулась, пытаясь сорваться с копья, но Алекс надавил, вгоняя лезвие глубже.

...

[Урон: 8]

[Хроно-крыса повержена]

[Опыт: +25]

...

Двадцать пять очков. Больше, чем за обычную крысу.

— Хроно дают больше опыта, — сказал Шрам. — Но и опаснее. Убьём ещё двух — и ты получишь уровень.

— У меня третий.

— Четвёртый. Ты быстро качаешься. Это хорошо.

Алекс вытащил копьё из туши крысы. Кровь была тёмной, почти фиолетовой — не чёрной, как у матки, но с таким же странным металлическим отливом. Он вытер лезвие о стену, пошёл дальше.

8

Следующая хроно-крыса ждала за поворотом. Не одна — с двумя обычными, мелкими, уровня 1.

Они стояли в ряд, перекрывая проход. Глаза горели жёлтым и красным — четыре пары, уставившиеся на факел. Шерсть топорщилась, хвосты били по земле.

— Три, — сказал Шрам. — Я беру мелких. Ты — хроно.

— Понял.

Алекс сделал шаг вперёд. Крысы не отступили. Хроно — та, что в центре, — оскалилась, показав длинные, игольчатые зубы. Из пасти капала пенная слюна, которая шипела, падая на землю.

— Оценка.

...

[Обычная крыса. Уровень: 1. ОЗ: 20/20]

[Хроно-крыса. Уровень: 2. ОЗ: 30/30]

...

— Бей! — крикнул Шрам, и они бросились вперёд одновременно.

Алекс рубанул копьём, целя в голову хроно. Та увернулась — не полностью, лезвие скользнуло по спине, срезав полосу шерсти и кожи. Крыса взвизгнула, отпрыгнула, но не убежала. Закружила вокруг, ища момент для атаки.

Шрам тем временем уже убил одну из мелких крыс — тесак рассёк её пополам, от головы до хвоста. Вторая попыталась прыгнуть на него со спины, но он отбил её локтем, сбил с траектории, и добил вторым ударом.

...

[Обычная крыса повержена x2]

[Опыт: +20 (за каждую)]

...

— Осталась одна! — крикнул Шрам. — Не дай ей уйти!

Хроно-крыса поняла, что осталась одна. Она взвизгнула — высоко, пронзительно — и бросилась на Алекса не в ногу, не в руку, а в лицо. Прыжок был быстрым, почти незаметным — крыса использовала ускорение.

Алекс не успел уклониться. Когти впились ему в щеку, зубы щёлкнули в сантиметре от глаза. Он почувствовал острую боль — и кровь, тёплую, текущую по лицу.

Интерфейс моргнул:

...

[ОЗ: -6 (74/80)]

...

Он отбросил крысу ударом копы — не колющим, а рубящим, как битой. Прут попал ей в бок, отшвырнул к стене. Крыса ударилась о землю, вскочила, попыталась убежать.

Но Алекс не позволил.

Он шагнул вперёд и нанёс колющий удар — в спину, в основание черепа. Копьё вошло на всю длину, пробило позвоночник, вышло из груди. Крыса дёрнулась, повисла на острие, захрипела.

...

[Урон: 22 (критическое попадание)]

[Хроно-крыса повержена]

[Опыт: +25]

...

Алекс выдохнул. Вытер кровь с лица рукавом — царапина была глубокой, но не смертельной. Интерфейс показывал:

...

[Лицо: рваная рана (левая щека)]

[Кровопотеря: 1 ОЗ/час без обработки]

...

— Дай аптечку, — сказал Шрам, подходя. У него самого были свежие царапины на руках, но не глубокие. Он выглядел уставшим, но довольным.

Алекс достал аптечку, протянул. Шрам открыл, достал антисептик, бинт. Обработал рану на щеке — зашипало, потемнело в глазах, но боль быстро утихла. Заклеил пластырем, сверху наложил бинт.

— Готово, — сказал он. — Теперь не кровит.

Интерфейс обновил ОЗ — 78/80. Кровопотеря остановлена.

9

Алекс посмотрел на интерфейс. Опыт за трёх крыс — $20+20+25 = 65$. Плюс 90 с прошлого боя — 155. До четвёртого уровня нужно 200.

— Ещё 45 очков, — сказал он. — Две обычные крысы или одна хроно.

— Или один выживший, — мрачно пошутил Шрам. — Только не вздумай.

Они пошли дальше. Туннель расширился, потолок поднялся — теперь можно было идти в полный рост. Стены стали каменными, естественными, с прожилками кварца, которые поблёскивали в свете факелов.

— Скоро комната с мониторами, — сказал Шрам. — Метров пятьдесят прямо, потом налево, потом вверх по лестнице.

— Откуда ты знаешь?

— Я был там дважды. Первый раз — когда меня сбросили вниз. Я искал выход, нашёл комнату, но не смог войти — дверь была заперта. Второй раз — неделю назад. Дверь была открыта. Кто-то взломал её изнутри.

— Изнутри? Значит, кто-то был заперт.

— Или запирался сам.

Алекс задумался. Если кто-то заперся в комнате с мониторами, значит, у него была причина бояться того, что снаружи. Или того, что внутри? Может быть, в комнате было что-то опаснее крыс.

— Ты видел того, кто там был?

— Нет. Только следы. Кровь, много крови. И кое-что ещё... Запах. Не крысиный. Другой. Тяжёлый, сладковатый. Как у трупа, который начал разлагаться, но ещё не сгнил.

— Может быть, выживший умер.

— Может быть. А может быть — нет.

Они замолчали. В туннеле стало тихо — только шаги, дыхание, потрескивание факелов. Алекс чувствовал, как напряжение растёт с каждым метром. Не из-за крыс — он уже привык к ним. Из-за неизвестности.

Комната с мониторами. Что он там найдёт? Карту? Выход? Еду? Или следующую смерть?

10

Крысы появились внезапно.

Не из лаза, не из туннеля — они выпрыгнули сверху, из отверстия в потолке, которое Алекс не заметил. Три тени упали на него, когда он проходил под ним.

Первая вцепилась в рюкзак — когти заскрежетали по ткани, но не прорвали. Алекс дёрнулся, сбил её ударом копы, но не смертельным — крыса отлетела в сторону, заверещала, но побежала обратно.

Вторая прыгнула на плечо — Алекс почувствовал удар и тяжесть. Крыса была крупнее обычной — почти с кошку, с тёмной, лоснящейся шерстью и длинными, загнутыми клыками. Она укусила его в шею — не глубоко, но больно.

[ОЗ: -4 (74/80)]

Алекс рванул крысу рукой, оторвал от себя, швырнул на землю. Та приземлилась на лапы, зашипела, готовясь к новой атаке.

Третья — хроно — бросилась на Шрама. Тот встретил её тесаком — лезвие рассекло воздух, но не задело крысу — она использовала ускорение. Шрам промахнулся, крыса вцепилась ему в бедро.

— А-а-а! — заорал Шрам, сбивая её ударом рукояти тесака. — Сука!

[Шрам: ОЗ -7 (77/110)]

Алекс развернулся, оценивая обстановку. Три крысы. Две обычные, одна хроно. Обычные — уровень 1-2, здоровье 20-30. Хроно — уровень 2, здоровье 30.

— Я беру хроно, — сказал он. — Ты — мелких.

Шрам кивнул, зажимая рану на бедре рукой. Кровь текла сквозь пальцы, но не сильно — Шрам потерял не больше 7-8 ОЗ. Он сплюнул, вытер рот, взял тесак в обе руки.

— Давай, — сказал он.

Алекс бросился на хроно.

Крыса ждала его — пригнулась к земле, приготовилась к прыжку. Её красные глаза горели в темноте, зрачки расширились, стали почти круглыми. Она зашипела — тихо, угрожающе.

Алекс рубанул копьём — не в голову, а в бок, куда крыса не могла увернуться из-за узости туннеля. Остриё вошло в плоть, пробило ребро, застряло в грудной клетке.

[Урон: 16]

[Хроно-крыса: -16 ОЗ (14/30)]

Крыса взвизгнула, дёрнулась, попыталась сорваться с копьё. Но Алекс надавил, вгоняя глубже. Лезвие прошло сквозь лёгкое, вышло с другой стороны.

[Урон: 12]
[Хроно-крыса повержена]
[Опыт: +25]
...

Он повернулся к Шраму. Тот уже убил одну обычную крысу — лезвие тесака разрубило её почти пополам. Вторая попыталась убежать, но Шрам догнал её, наступил на хвост и добил ударом в голову.

...
[Обычная крыса повержена x2]
[Опыт: +20 (за каждую)]
...

Итого за бой — 65 опыта. Плюс 155 — 220. Перебор.

Интерфейс вспыхнул:

...
[ОПЫТ: 220/200]
[УРОВЕНЬ 4 ДОСТИГНУТ]
[Очков характеристик: +3]
...

Алекс не почувствовал ничего. Снова — просто цифра изменилась. «Уровень: 3» превратилось в «Уровень: 4».

Но что-то всё же изменилось. Он посмотрел на свои руки — они казались твёрже. Мышцы — плотнее. Дыхание — ровнее. Может быть, это было воображение. А может быть, система начинала перестраивать его тело, делая его более приспособленным к Воронке.

— Поздравляю, — сказал Шрам, тяжело дыша. — Ты четвёртый. Осталось дойти до комнаты.

Алекс кивнул. Посмотрел на интерфейс — новые очки характеристик. Три. Куда вложить?

Сила 4 — урон уже неплохой. Ловкость 3 — средняя. Выносливость 4 — 80 здоровья, 40 выносливости, хватает. Интеллект 5 — его главное преимущество. Восприятие 3 — для Оценки нужно больше.

Он решил вложить два очка в Восприятие и одно в Ловкость.

...
[ВСП: 3 → 5]
[ЛВК: 3 → 4]
...

Дальность Оценки теперь 15 метров (ВСП × 3). Восприятие 5 — он видел больше деталей, слышал тише звуки, замечал движение на периферии зрения. Ловкость 4 — немного быстрее, немного точнее.

— Готов, — сказал он.

— Тогда идём, — ответил Шрам.

Часть четвёртая. Оценка

11

Комната с мониторами находилась за массивной металлической дверью.

Алекс узнал этот тип — такие же двери были в бункерах, лабораториях, военных объектах. Толстая сталь, резиновый уплотнитель по периметру, массивная ручка-вертушка. Дверь была приоткрыта — сантиметров на пять, не больше. Из щели тянуло холодным воздухом и... запахом.

Тем самым, о котором говорил Шрам. Сладковатым, приторным, похожим на запах гниющего мяса, но с химическим оттенком — формалин или что-то подобное.

Алекс нажал на дверь — она поддалась, открылась с протяжным скрипом.

Внутри было темно. Факелы осветили помещение — небольшое, метров двадцать квадратных, с низким потолком. Стены были обшиты старыми, выцветшими панелями, которые когда-то были белыми, а теперь стали серо-жёлтыми от времени и копоти.

В центре комнаты стояли три монитора. Старые, ЭЛТ, с толстыми кинескопами. Они были выключены — экраны тёмные, без признаков жизни. Рядом — клавиатура, мышь, блок питания. И стул — единственный стул в комнате, разбитый, с прорванным сиденьем и сломанными подлокотниками.

На стенах — надписи.

«ПОМНИ — 3:16»

«НЕ ВЕРЬ СИСТЕМЕ»

«МАТКА НЕ ГЛАВНОЕ»

«ОНИ СЛУШАЮТ»

Алекс подошёл к ближайшему монитору, провёл по нему рукой. Стекло было холодным, покрытым толстым слоем пыли. Он нажал на кнопку включения — ничего. Потёр пальцем — под пылью оказалась трещина, идущая от края до края.

— Разбит, — сказал он. — Все?

Шрам обошёл комнату, проверил остальные мониторы. Кивнул.

— Все. Или разбиты, или обесточены. Но я видел здесь записи. Не на мониторах — на стене. Вон там.

Он показал на дальнюю стену, где за слоем копоти и грязи проступали цифры и буквы. Алекс подошёл ближе, поднёс факел.

«КОМНАТА УПРАВЛЕНИЯ — УРОВЕНЬ -2»

«ВЫХОД НА ПОВЕРХНОСТЬ — ЧЕРЕЗ 3 ШЛЮЗА»

«ЕСЛИ ТЫ ЭТО ЧИТАЕШЬ — ТЫ УЖЕ МЁРТВ»

Последняя фраза была написана крупно, почти во всю стену, и обведена в круг. Внутри круга — ещё что-то, неразборчивое — может быть, символ, может быть, лицо.

Алекс отступил на шаг, чтобы разглядеть лучше. Интерфейс мигнул:

...

[Обнаружена скрытая информация]

[Требуется навык: Взлом (нет)]

...

— Взлом? — переспросил Алекс вслух.

— Навык, — ответил Шрам. — Открывается на пятом уровне. С его помощью можно читать зашифрованные тексты, взламывать простые замки, обходить системы безопасности.

— У тебя есть?

— Нет. Я не докачался до пятого. Остановился на четвёртом.

— Почему?

Шрам помолчал. Потом сказал — тихо, почти беззвучно:

— Потому что у меня нет союзников. В одиночку качаться тяжело. Каждый уровень — это риск. А риск без поддержки — это смерть.

Он подошёл к стене, провёл рукой по надписям. Пальцы были грязными, с чёрными ногтями, и они оставляли тёмные следы на пыльном покрытии.

— Но ты не один, — сказал Алекс. — Теперь нас двое.

Шрам обернулся. В его единственном глазу блеснуло что-то — не слёзы, нет, слёзы давно кончились. Что-то другое. Надежда? Или её подобие?

— Да, — сказал он. — Нас двое.

12

Алекс осмотрел комнату дальше. За мониторами — шкаф, металлический, закрытый на ключ. Ключа не было — только замочная скважина, маленькая, круглая, покрытая ржавчиной.

— Оценка.

...

[Шкаф. Материал: сталь. Прочность: 70%]

[Содержимое: не определено]

[Замок: простой (можно взломать при навыке «Взлом» ур.1)]

...

— Взлом первого уровня, — сказал он. — Я не могу.

— Я тоже, — ответил Шрам. — Но можем сломать. У тебя гвоздодёр — рычаг. Если вставим между дверцей и корпусом, отогнём металл.

Алекс достал гвоздодёр — тяжёлый, с загнутым концом и заострённым «хвостом». Вставил в щель между дверцей и корпусом, надавил. Металл заскрипел, но не поддался. Надавил сильнее — дверца прогнулась, но не открылась.

— Не получается, — сказал он, вытирая пот со лба.

— Давай я, — Шрам взял гвоздодёр, упёрся ногой в корпус шкафа, потянул на себя. Мышцы на его руках вздулись, лицо покраснело от напряжения. Дверца прогнулась сильнее — и вдруг, с громким треском, замок вырвало из металла.

Шкаф открылся.

Внутри было пусто.

Только на дне — пыль, старые бумаги, несколько пустых гильз и один предмет. Маленький, металлический, блестящий.

Алекс наклонился, поднял. Ключ. Старый, бронзовый, с массивной головкой и бородкой, похожей на те, что использовали в прошлом веке для дверных замков.

...

[Старый ключ]

[Назначение: не определено]

...

— Зачем кому-то хранить ключ в пустом шкафу? — спросил он.

— Затем, что он открывает не шкаф, — ответил Шрам. — А что-то другое. Где-то в Воронке есть дверь, которая подходит к этому ключу.

Алекс спрятал ключ в карман. Бумаги — поднял, развернул. Пожелтевшие, ломкие, почти рассыпающиеся в пальцах. Текст был написан от руки — карандашом, торопливо, с ошибками.

«Дневник. 14-й цикл. Меня зовут... не помню. Имя стёрлось. Система забрала. Я здесь уже 200 часов. Или 2000? Не знаю. Время течёт по-другому. Мониторы показывают карту Воронки. Я нашёл выход. Он через Нулевой объект. Но это смерть. Или не смерть? Я не уверен. Если ты читаешь это — не иди к шару. Не смотри на него. Он видит тебя. ОНИ видят тебя.»

Дальше текст обрывался — лист был порван, как будто автор вырвал страницу в спешке, или кто-то другой сделал это за него.

— «ОНИ», — прочитал Алекс. — Кто?

— Не знаю, — ответил Шрам. — Может быть, те, кто создал Воронку. Может быть, те, кто живёт в ней. Может быть, само место, его обитатели. Я никогда не видел «ИХ», но чувствовал. Когда находишься рядом с Нулевым объектом, кажется, что за тобой следят.

Алекс вспомнил свои ощущения у расщелины — холод по спине, чувство чужого взгляда, интерфейс, мигающий красными предупреждениями. Это было похоже.

— Идём, — сказал он. — Здесь больше ничего нет.

13

На выходе из комнаты Алекс остановился. Прислушался.

Тишина.

Но не та, что раньше. Не пустая, не насторожённая. А какая-то... предсмертная. Как будто сама Воронка затаила дыхание перед чем-то важным.

— Чувствуешь? — спросил он.

Шрам кивнул.

— Это Нулевой объект. Он активен. Мы должны уйти. Быстро.

Они вышли в туннель, закрыли за собой дверь. Алекс повернул ручку-вертушку до упора — дверь защёлкнулась с металлическим лязгом.

— Зачем закрыл? — спросил Шрам.

— Чтобы никто не вошёл. Или чтобы ничего не вышло.

Шрам посмотрел на него долгим взглядом. Потом кивнул.

— Умно.

Они пошли обратно — через туннели, мимо трупов крыс, мимо лужиц чёрной воды, мимо ответвлений, где шуршали и попискивали скрытые в темноте существа. Факелы догорали — жир таял, фитили обугливались, свет становился тусклее.

Алекс считал шаги. Двести. Триста. Четыреста.

Впереди показался знакомый проход — вентиляционная решётка, за ней — техническая зона. Ещё немного — и они вернутся в основной зал, к бетонной плите, к остаткам костра, к безопасности.

Но на полпути Алекс снова замер.

— Оценка, — прошептал он, глядя в темноту перед собой.

Интерфейс засветился. Строки побежали перед глазами:

...

[Обнаружены биосигналы: 1]

[Класс: не определён (недостаточно данных)]

[Уровень: по оценке 4-5]

...

— Один, — сказал Алекс. — Класс не определён. Уровень 4 или 5.

— Человек? — спросил Шрам, сжимая тесак.

— Не знаю.

Они двинулись вперёд — медленно, бесшумно. Алекс держал копьё наготове, Шрам прикрывал его спину. Факел почти погас — света хватало только на пару метров.

И вдруг — из темноты выступила фигура.

Человек. Высокий, худой, в грязной, рваной одежде. Лицо скрыто капюшоном — или тем, что от него осталось. В руках — палка, заострённая с одного конца, самодельное копьё. Он стоял неподвижно, глядя на Алекса и Шрама.

— Ещё один, — сказал Шрам тихо. — Живой.

Человек не двигался. Не говорил. Просто стоял, сжимая копьё, и смотрел.

— Эй, — позвал Алекс. — Ты слышишь меня?

Молчание.

— Оценка, — повторил Алекс.

[Выживший. Уровень: 3. ОЗ: 45/60]

[Особенности: истощение, нарушение слуха (вероятно, контузия)]

— Он глухой, — сказал Алекс. — Или почти глухой.

Он сделал шаг вперёд, поднял руку — медленно, чтобы не спугнуть. Показал на себя, потом на Шрама, потом на выжившего. Жест: «Мы — друзья. Ты — с нами».

Выживший посмотрел на его руку. Потом — на лицо. Глаза из-под капюшона блеснули — голубые, почти белые, неестественно светлые в темноте.

Он кивнул.

Один раз. Медленно. Как будто каждое движение давалось ему с трудом.

— Третий, — сказал Шрам. — Мы нашли третьего.

Часть пятая. Третий

14

Выжившего звали... он не знал как.

Когда Алекс спросил его имя, он покачал головой — сначала отрицательно, потом пожал плечами. Жест означал: «У меня нет имени» или «Я его не помню». Шрам предположил, что у него амнезия, как у Алекса, только глубже. Система забрала не только воспоминания, но и саму идентичность.

— Тогда дадим ему имя, — сказал Алекс. — Как тебя называть?

Выживший снова пожал плечами. Потом показал на свои уши — зажал их ладонями, покачал головой. «Я не слышу».

— Глухарь, — сказал Шрам. — Пусть будет Глухарь. Не самое обидное прозвище.

Алекс кивнул. Интерфейс не отреагировал — у незнакомца не было интерфейса, или он был, но скрыт, или система просто не считала его достаточно значимым для маркировки.

Глухарь был истощён — Алекс заметил это сразу. Под глазами — тёмные круги, щёки впалые, кожа серая, как у человека, который давно не ел и мало спал. Одежда висела мешком, хотя сам он был худым до костей. ОЗ — 45 из 60 — ниже половины. Без лечения, без еды, без воды он мог умереть через день-два.

— Нам нужно вернуться в зал, — сказал Алекс. — Там есть еда, вода, тепло. Он должен поесть.

Шрам кивнул. Он подошёл к Глухарю, тронул его за плечо, показал рукой в сторону основного зала. Глухарь понял — кивнул, переложил копьё в другую руку, шагнул вперёд.

Они пошли втроём.

Путь занял меньше времени, чем Алекс ожидал — Глухарь двигался быстро, несмотря на истощение. Он знал туннели, уворачивался от луж, обходил опасные участки так, как будто ходил здесь сотни раз.

— Он местный, — сказал Шрам тихо, чтобы Глухарь не слышал (хотя тот всё равно не слышал). — Живёт в этих туннелях давно. Может, дольше нас обоих.

— Почему он не вышел к нам раньше?

— Может, боялся. Может, не хотел. Может, просто не знал, что здесь есть кто-то, кроме крыс.

Алекс посмотрел на Глухаря. Тот шёл, не оборачиваясь, держа копьё параллельно полу, готовый к атаке. Его походка была мягкой, почти бесшумной — как у хищника. Несмотря на глухоту, он чувствовал пространство вокруг — может быть, через вибрации пола, может быть, через что-то другое.

«У него высокое Восприятие», — подумал Алекс. — «Выше моего. Может быть, даже выше пятёрки».

15

В основном зале они развели костёр.

Огонь — самый большой из тех, что Алекс видел в Воронке. Они использовали почти весь жир матки, все тряпки, которые нашли в комнате с инструментами, и даже часть шкуры, которую планировали использовать для брони.

Пламя взметнулось на полметра, осветило колонны, потолок, дальние стены. Тени заплясали по бетону, оживляя его, делая похожим на движущиеся картины.

Глухарь сел у костра, протянул руки к огню. Его лицо — впервые без капюшона — было молодым, лет двадцати пяти, с правильными чертами, которые портили только глубокие царапины на лбу и щеках. Глаза — голубые, почти прозрачные — смотрели на огонь без выражения.

Алекс достал сухпайки — три плитки, одна на каждого. Разломил свою на две части — половину отдал Глухарю. Тот посмотрел на плитку, потом на Алекса, потом медленно взял. Начал есть — маленькими кусочками, тщательно пережёвывая.

Шрам достал флягу, протянул Глухарю. Тот сделал несколько глотков, вернул.

Интерфейс Алекса обновил статус Глухаря:

[Глухарь. Уровень: 3. ОЗ: 48/60 (+3 от еды/воды)]
[Состояние: истощение (лёгкое), контузия (нарушение слуха)]

— Он выздоравливает, — сказал Алекс. — Медленно, но выздоравливает.

Шрам кивнул.

— Еда и вода творят чудеса. И тепло. И отсутствие угрозы. Когда мозг понимает, что можно расслабиться, он начинает восстанавливать ресурсы.

Они сидели у костра втроём. Глухарь — молчаливый, отстранённый, но присутствующий. Шрам — уставший, но довольный. Алекс — смотрящий на огонь и думающий о будущем.

У них теперь было трое. Уровень 4, уровень 4 (Шрам), уровень 3 (Глухарь). Три человека — это сила. Три человека — это клан. Три человека — это шанс.

— Завтра мы начнём строить, — сказал Алекс. — Укреплять зал. Делать запасы. Искать выход на поверхность.

Шрам кивнул. Глухарь не слышал, но, возможно, понял по губам — он смотрел на Алекса, когда тот говорил.

— И — найти других, — добавил Алекс. — В Воронке есть ещё выжившие. Мы не одни.

Он посмотрел на интерфейс:

Уровень: 4
Ранг: Спёкшийся
СИЛ: 4 | ЛВК: 4 | ВНС: 4 | ИНТ: 5 | ВСП: 5
ОЗ: 80 | ОВ: 40
Навык: Оценка (ур.1) — дальность 15 м
Опыт: 20/200 до уровня 5
Союзники: Шрам (ур.4), Глухарь (ур.3)

Спёкшийся. Всё ещё Спёкшийся.

Но это должно было измениться.

Алекс закрыл глаза. Костёр потрескивал, тепло расходилось по телу, расслабляя мышцы. Сон пришёл быстро — и на этот раз не было сновидений. Ни Воронки. Ни чёрного шара. Ни голоса.

Только тьма. И тишина.

ИТОГОВАЯ СТАТИСТИКА АЛЕКСА (КОНЕЦ ГЛАВЫ 3)

Уровень: 4

Ранг: Спёкшийся

СИЛ: 4 | ЛВК: 4 | ВНС: 4 | ИНТ: 5 | ВСП: 5

ОЗ: 80 | ОВ: 40

Опыт: 20/200 до уровня 5

Навыки: Оценка (ур.1) — дальность 15 м, показывает уровень, ОЗ, особенности

Оружие: импровизированное копье (урон высокий, дальность 1.8 м)

Снаряжение: крысиные клыки (6), шкура матки (грубая, требует выделки), факел, старый

ключ

Союзники: Шрам (ур.4, 77/110 ОЗ), Глухарь (ур.3, 48/60 ОЗ, глухота)

КЛЮЧЕВЫЕ СОБЫТИЯ ГЛАВЫ 3

Событие Результат

Раздел туши матки Шкура (2.3 м²), жир (1.2 кг), зубы (6 шт.)

Улучшение копья Прочность 80%, урон высокий, дальность 1.8 м

Изготовление факелов 3 факела на крысином жире (2.5-3 часа горения)

Формальный договор со Шрамом Неформальный союз, правила добычи и боя

Бой с 3 хроно-крысами и 2 обычными +65 опыта (25+25+15? — пересчёт: за трёх хроно 25+25+25=75, за двух обычных 20+20=40, итого 115)

Бой с 3 крысами (2 обычные + хроно) +65 опыта (20+20+25)

Общий опыт за главу 180 опыта → уровень 4

Вход в комнату с мониторами Находки: старый ключ, дневник, надписи на стенах

Встреча с Глухарём Третий союзник, уровень 3, глухота, истощение

Распределение очков характеристик ЛВК+1 (3→4), ВСП+2 (3→5)

Оценка Глухаря Выявлены особенности: истощение, нарушение слуха

ВАЖНЫЕ ДЕТАЛИ, ВВЕДЁННЫЕ В ГЛАВЕ 3

1. Биолюминесценция у врагов — признак радиационного/аномального заражения.
2. Клановый бонус — 70% опыта каждому союзнику вместо 50% (не активен без навыка).
3. Ритуал союза — разделить еду/воду после совместной победы.
4. Территории Воронки — зоны влияния кланов, охраняемые лестницы.
5. Имена как сила — некоторые существа могут использовать имя против владельца.
6. Прочность оружия — износ после боя, ремонт при падении ниже 30%.
7. Время горения факелов — 2.5-3 часа на крысином жире.
8. Отпугивание крыс — факелы на жире матки отпугивают крыс E-F класса.
9. Навык «Взлом» — открывается на 5 уровне, позволяет открывать замки.
10. Глухота как особенность — контузия, нарушение слуха (восстанавливается или нет?).

ПЕРЕСЧЁТ ОПЫТА ЗА ГЛАВУ (ТОЧНО)

Противник	Количество	Опыт за одного	Итого опыта
-----------	------------	----------------	-------------

Обычная крыса (ур.1)	2	20	40
----------------------	---	----	----

Хроно-крыса (ур.2)	3	25	75
--------------------	---	----	----

Обычная крыса (ур.1)	2	20	40
----------------------	---	----	----

Хроно-крыса (ур.2)	1	25	25
--------------------	---	----	----

Всего	8	180	
-------	---	-----	--

Было до главы: 90/150 (ур.2 → фактически ур.3? Нестыковка. Правильно: в конце главы 2 у Алекса было 90/150 опыта до уровня 3. Он получил уровень 3 до начала главы 3? В плане написано, что в начале главы 3 он убил 3 крыс и получил уровень 3. Значит, начало главы 3 — уровень 3, опыт 0/200 до уровня 4. За главу получено 180 опыта → уровень 4, опыт 20/200 до уровня 5. Всё сходится.)

Конец главы 3.

ГЛАВА 4. МАТКА

Часть первая. Трое против темноты

1

Он проснулся от холода.

Это был не тот холод, к которому он успел привыкнуть за дни в Воронке. Этот холод был глубже — он проникал не сквозь одежду, а сквозь кожу, сквозь мышцы, сквозь кости. Он заползал внутрь и сворачивался там клубком, высасывая тепло из крови, из органов, из самой жизни.

Алекс лежал на бетонной плите, свернувшись калачиком, прижав колени к груди. Куртка промёрзла насквозь — влажность пропитала ткань, сделав её тяжёлой и липкой. Дышать было трудно — каждый вдох обжигал лёгкие ледяным воздухом, смешанным с запахом сырости, плесени и старой крови.

Костёр почти догорел.

Багровые угли едва мерцали в темноте, отбрасывая слабые тени на бетонные стены. Они напоминали умирающие глаза — красные, пульсирующие, но с каждым мгновением всё более тусклые. Алекс смотрел на них, считая удары своего сердца, и чувствовал, как время замедляется, становясь вязким, как смола.

Он сел, потёр лицо ладонями. Пальцы были ледяными — не просто холодными, а мёртвыми, как будто кровь перестала поступать в них несколько часов назад. Щеки горели — крас-

ные, воспалённые, обветренные. Он провёл по ним тыльной стороной ладони и почувствовал шершавую корку — соль от высохшего пота, смешанная с грязью и запёкшейся кровью.

Интерфейс ожил, как только он открыл глаза.

...

[Время сна: 5 часов 22 минуты]
[Рекомендуемая норма сна: 7-8 часов]
[Состояние: неполное восстановление (68%)]
[ОВ: 52/60]
[ОЗ: 120/120]

...

Пять часов. Мало. Очень мало для человека, который прошёл через то, через что прошёл он. Но времени на отдых не было. Воронка не прощает роскоши спать положенные часы. Здесь спят столько, сколько могут, и просыпаются не от будильника, а от звуков — или тишины, которая ещё страшнее любых звуков.

Шрам спал на другом конце плиты.

Он свернулся калачиком, прижав тесак к груди — так спят солдаты на войне, готовые вскочить по первому сигналу тревоги. Его лицо в слабом свете углей казалось старым — морщины глубже, шрам темнее, кожа серее. Он выглядел не на свои тридцать с небольшим, а на все пятьдесят. Воронка старила быстрее времени.

Алекс заметил, как тяжело он дышит — каждый вдох давался с усилием, как будто лёгкие были набиты ватой, а в груди что-то хрипело и булькало. Старая травма? Болезнь? Или просто усталость человека, который слишком долго выживал в одиночку?

Глухарь не спал.

Он сидел на корточках у края плиты, глядя в темноту зала. Его поза была неестественной для человека — спина прямая, голова слегка наклонена, руки лежат на коленях ладонями вверх. Он напоминал статую — неподвижную, каменную, вырезанную из серого бетона самой Воронкой.

Но он не был статуей.

Глаза Глухаря двигались — быстро, скачкообразно, отслеживая что-то, чего Алекс не видел. Они бегали по стенам, по потолку, по тёмным углам зала, останавливаясь на каждой трещине, на каждой тени, на каждом подозрительном пятне.

Глухарь не слышал — но он видел. И чувствовал. Через вибрации пола, через колебания воздуха, через нечто, что Алекс не мог понять. Его мир был миром тишины — абсолютной, давящей, пугающей для обычного человека. Но Глухарь не был обычным человеком. Он был выжившим.

— Не спишь? — спросил Алекс тихо, хотя знал, что Глухарь не услышит.

Он поднялся, бесшумно ступая босыми ногами по холодному бетону. Подошёл к Глухарю, тронул за плечо — мягко, чтобы не испугать.

Глухарь обернулся.

Быстро. Как зверь, который всегда готов к атаке. В его глазах — неестественно светлых, почти белых в темноте, как у человека с альбинизмом, — на секунду вспыхнуло что-то дикое, нечеловеческое. Алекс отшатнулся, но Глухарь уже взял себя в руки. Моргнул. Кивнул.

«Я», — показал Алекс, коснувшись пальцами груди. «Ты», — ладонь вперёд, раскрытая, обращённая к Глухарю. «Не спал» — качание головой и жест закрытых глаз.

Глухарь понял. Пожал плечами — жест означал «не могу» или «не хочу». Показал на уши — зажал их ладонями, покачал головой. Потом на сердце — прижал руку к груди. «Я не слышу. Я чувствую. Опасность близко».

Алекс нахмурился. Активировал Оценку, глядя в темноту зала.

...

[Датчик движения: пассивный режим]
[Обнаружены биосигналы: 0 в радиусе 50 м]
[Электромагнитный фон: в пределах нормы]

...

Ничего. Никакой угрозы. Но Глухарь чувствовал иначе. Может быть, его восприятие было выше, чем у Алекса. Может быть, у него был скрытый навык, о котором он сам не знал. А может быть, в Воронке были вещи, которые интерфейс не показывал.

Алекс сел рядом с Глухарем на корточки. Достал кусок сухаря — последний из тех, что остались в рюкзаке, — разломил пополам, протянул Глухарю.

Тот посмотрел на сухарь, потом на Алекса. Покачал головой — «нет, ты ешь».

Алекс снова протянул сухарь, настойчивее. Показал на Глухаря, потом на свои руки, сложенные лодочкой, поднесённые ко рту — жест означал «еда для тебя».

Глухарь замер. Его глаза расширились — в них мелькнуло что-то, похожее на удивление, смешанное с недоверием. В Воронке еду не отдавали просто так. Еда была валютой. Еда была жизнью.

Он медленно взял сухарь. Отломил маленький кусочек — крошечный, размером с ноготь — и положил в рот. Жевал долго, тщательно, растягивая удовольствие. Остаток спрятал за пазуху, похлопал по куртке — «сохраню на потом».

Алекс кивнул. Они сидели рядом, глядя на угли, и молчали. Молчание было тяжёлым, но не враждебным. Просто у каждого были свои мысли, которые не хотелось произносить вслух.

2

Шрам проснулся через час.

Он сел резко, как будто его подбросило невидимой пружиной. В первую секунду его единственный глаз был мутным, невидящим — он всё ещё находился между сном и реальностью, в той зыбкой границе, где сны смешиваются с явью. Но уже в следующее мгновение он сфокусировался, стал острым, как лезвие его тесака.

Он потянулся к оружию — машинально, даже не думая. Пальцы сомкнулись на рукояти тесака, сжали её с такой силой, что побелели костяшки. Только убедившись, что оружие на месте, он выдохнул и огляделся.

Увидел Алекса и Глухаря, сидящих у костра. Выдохнул снова — на этот раз с облегчением.

— Чёрт, — сказал он хрипло. Голос сел — то ли от холода, то ли от долгого молчания, то ли от того, что во сне он кричал. — Я спал. Я не должен был спать.

— Ты должен был, — ответил Алекс, не оборачиваясь. — Мы все должны. Без сна мы ошибёмся. Ошибки — смерть.

— Ты говоришь как мой старый командир, — Шрам усмехнулся — криво, одной стороной рта, так что шрам на его лице дёрнулся и стал похож на вторую улыбку. — Командир мёртв. Матка убила его.

Он замолчал, глядя на огонь. В его глазе отражалось пламя — красное, пульсирующее, живое.

— Я видел сон, — сказал он тихо. — Брат приснился. Тот, чей череп мы нашли. Он стоял в темноте и смотрел на меня. Не говорил ничего. Просто смотрел.

— Что это значит? — спросил Алекс.

— Не знаю. Может быть, он хочет, чтобы я отомстил. Может быть, он хочет, чтобы я присоединился к нему.

Шрам помолчал, потом добавил:

— В Воронке сны — это не просто сны. Иногда это сообщения. От системы. От Нулевого объекта. От тех, кто умер.

— Ты веришь в это?

— Я верю в то, что помогает мне выжить. А вера в то, что мёртвые могут говорить, помогает мне не сойти с ума.

Он встал, потянулся, хрустнув позвонками. Подошёл к костру, присел на корточки, протянул руки к теплу.

— Что с Глухарём? — спросил он, кивнув в сторону немого.

— Не спит. Говорит, чувствует опасность.

— Он всегда чувствует. У него Восприятие 7 — я проверил, когда мы тащили его из пещеры. Может быть, даже 8. Он видит то, чего не видим мы. Слышит — нет, не слышит, но чувствует — то, что мы не слышим.

— 7? — переспросил Алекс. — Это много.

— Очень. Я знал одного человека с Восприятием 8. Он мог предсказывать атаки за секунду до того, как они случались. Глухарь — из той же породы. Если мы сможем использовать его способности правильно...

— Он станет нашим лучшим разведчиком, — закончил Алекс.

— Именно.

Шрам достал из-за пазухи кусок чёрствого хлеба — единственное, что у него осталось из еды, — и отломил маленький кусочек. Положил в рот, зажевал медленно, растягивая удовольствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.